

Габдель Махмут
От белой змеи

В настоящий сборник надьмский прозаик Габдель Махмут включил сказки, легенду и поэтические произведения, обозначенные автором как поэпроз, дающие читателю определенную настройку и установку на творческие вдохновения. Книга представляет интерес для широкого круга читателей, рекомендуется молодежи старшего школьного возраста, ищущей себя и свое место за школьным порогом.

От белой змеи
Отглавление
Белая змея (вместо предисловия)
Камертон (поэпроз-1)
Бумеранг (сказка)
Чужая беда – наука (сказка)
Солдат и соловей (сказка)
На свою голову (современная басня)
Сказ о новом лебеде (современная сказка)
Сыны Отечества (сказание)
Любя погибнуть (легенда)
Ключи для прометеев (поэпроз-2)

БЕЛАЯ ЗМЕЯ
(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

К девяти-десяти годам мне стали тесны деревенские родные границы – поманило за ее пределы, а что же там... Родители не препятствовали мне в познаниях, а даже, наоборот, способствовали сами поездкам по родственникам, начиная с близживущих, а позже и далее... Тогда-то я впервые осознал, что значит тоска по родным, по своей малой родине, по сверстникам-друзьям. После одной такой отлучки, длившейся наверняка не больше недели, не успев ступить на родной порог, я отправился искать однокашников. Во-первых, соскучился, во-вторых, надо же было похвастать увиденным, расспросить, что нового произошло у них за время моего отсутствия. Деревня в это время года жила сенокосными заботами. Поэтому и сверстники в основном были заняты возле родителей: кто-то начинал пытать литовку, кто-то рядом стерег люльки с младшими братишками, а кое-кому выпадала удача оставаться дома, сторожа стайки утят, гусят, при огороде, кухне, зато в любое время можно сорваться на речку! Многих своих одноклассников дома я не застал и, удрученный, возвращаясь, свернул на проулочек, где жили сестры-погодки Нурсина и Гульсина, красавицы-насмешницы и большие озорницы. Обычно я остерегался их острых языков и почти до взросленья не мог общаться с ними на равных,

по-дружески. А может, и оттого, что где-то в груди и влюбленность к ним таилась, уж очень они были красивы, каждая по-своему. И большими фантазерками насчет розыгрышей, даже взрослых не остерегались обмануть.

Только я стал подниматься на крыльцо, вдруг слышу, узнаю голоса, завизжали сестры в два голоса.

Постучался в дверь, визг повторился еще громче, вроде не нарочито испуганный, а страха и ужаса полный. Тяну дверь за ручку, она не поддается. Самого страх за жуть берет уже, что же там такое приключилось среди бела дня – солнце по темечку клюет еще. Несмело кашлянул, говорю, откройте, чего там затворничаете, я же это..

Через мгновение на окне возле двери раздвигается занавеска, показываются два знакомых личика.

Отворяют. Сами кажутся бледными, дрожат мелкой дрожью, чуть что, в рев готовы. Что случилось – то, пытаю, и самого страх обволакивает – в доме окна занавешены, темно после уличного света.

Постепенно, приходя в себя, девчата рассказывают мне историю, которая, по их словам, случилась с ними вот-вот только что, до моего к ним стука. Потому и визжали в испуге, думая, что снова убьют к ним вернулась, колдунья, баба-яга то есть.

Успокоившись окончательно, они наперебой стали рассказывать мне о недавнем, будто, ее визите к ним. Будто кто-то сперва так же постучался, но в окно у двери. Как сестрам показалось, будто необычайно тихим был стук, но четким и настойчивым, таким, что девчата сразу как-то насторожились. Прервали свои девчоночьи игры, подошли, глянули, кто это к ним, а за окном незнакомая старуха сидит. Именно сидит будто бы, хотя не было там у них никаких табуреток, чурбаков, даже полена – лето же на дворе. Они молча переглянулись меж собой, спрашивают, мол, кто такая, чего надо. А старуха, будто губами не шевелит даже, но девчата слышат режущее слух ее шипенье: «Дайте воды, воды мне!» – настойчиво просит чужой голос. Сестры отвечают: «Родители не велели никому открывать. Вода у нас в сенях, в кадучке, там же ковш, пейте, сколько хотите...».

На что старуха не реагирует, снова о своем шипит: «Дайте воды! Вынесите мне воды!» Всерьез напуганные, девчата пятятся назад, а та продолжает: «Воды мне...». У самой лицо белеет, как мел, глаза бегают, вот-вот выскочат. «Уходи, ты чужая, мы тебя не знаем, сейчас родители вернутся, плохо будет!» – кричат в страхе мои однокашники. Старуха не унимается, шипенье ее все проникновенней, кажется, заполняет все стены в доме, и он как бы шататься начинает: «Дайте воды, иначе пожалеете. Воды мне!» Теперь у нее и волосы на голове побелели и зашевелились, колыхаются как черви. Тут и платье у старухи замерцало всеми цветами радуги, на глазах меняется от светлого к мрачно-темным тонам, а сама ведьма закачалась вправо-влево, словно взлететь готовится. И тут, замечают девчонки, лицо у непрошеной гостьи, только что белое, бледное, стало чернеть мрачнее ночи. Глазами завращала, руками пытается выдавить стекло оконное и достать

девчат. Сестры забились в постель: «Папа, мама, спасите!» – кричат. Сами чувствуют, будто кровать под ними закачалась, а может, и весь дом уже... И вдруг все успокоилось. Убырлы растворилась. Следом они услышали шаги по крыльцу. Как заведенные, занавесили все окна, притаились, ожидая, что старуха кого-нибудь еще себе на помощь ведет... Но то были мои шаги. Некоторое время я молча переваривал все услышанное, не зная, с чего начать, как успокоить подруг своих. Хотя отлично понимал, что сестры – те еще артистки, и не на такое способны. Им ничего не стоило мастерски обыграть заранее сочиненную небылицу. Эту историю они наверняка давно обговорили-отрепетировали, хотя бы словесно, как будут действовать в случае неожиданного визита к ним какого-нибудь деревенского простака или подруг-соседок... Блжно, думаю, пусть считают, что я поверил. Нет, надо сознаться, сперва жуть проняла, сердчишко чуть в пятки не ушло. Но, погодя, отошел, подумал, тоже ведь не лыком шит, и мы врать без ученья горазды. Конечно, верю, заверил я подружек-сестричек, чего не бывает на свете. Мухамед-одноклассник, как-то ночуя у меня, рассказывал, как в конюшне колхозной гоночно-ездового жеребца Буяна за зиму загонял по ночам неведомо кто. Приходит утром его отец-конюх, а жеребец стоит, дрожит мелкой дрожью. Похудал, истощал за зиму и весну настолько, что на сабантуйские гонки стыдно было колхозу не то чтобы выставлять, а и просто показывать его. Кожа да кости остались. Да, да, кивают на это сестры, дескать, помним. И я смело продолжил свою историю, тут же нафантазированной. Все краски собрал для убедительности. Якобы, боялся кому-либо открывать, думая, что на смех поднимут. Раз с вами, стелю, тут такое приключилось, то вы меня поймете, как никто. – Конечно, конечно, рассказывай! – нетерпеливо теребят сестры. Мне того и надо. Вот, дескать, возвращаюсь нынче домой. Пеший. Погода солнечная, аж глаза сами жмурятся. Вдруг вижу – на дороге змея. И смотрит на меня. Гадюками в наших урманных краях никого не удивишь. Но эта змея была белая, и крупная! – Белая! – удивленно воскликнули мои подружки. – Именно белая! – твержу. Проняло! И дальше травлю. Дескать, не знаю, как вы, а я нынче за зиму все библиотечные сказки проглотил, поэтому сразу вспомнил, что белой бывает змея-вождь. А вождей надобно почитать. Я вспомнил, как поступали герои сказок-то! Вынул свой носовой платок (мне его родители сунули перед отъездом к родным, вот он), о котором я и не вспоминал до этого свидания, а тут на ум пришло – постелил его перед змеей... Дальнейшее произошло точь в точь, как в сказках рассказывается: змея вползла на платок и будто растворилась, сделалась невидимой – белая на белом. Я глазами хлоп-хлоп, смотрю, уже через дорогу уползает... змея... черная... А на платочке моем, вижу, четкая надпись проглядывается: «Благодарю тебя, юный джигит! Дарю тебе волшебных два желания. Встряхни платком, и все исполнится!»

Сестры рты пораскрыли, верят и не верят моим рассказам почище чем у них-то. Сами вытянули шею, интерес берет, и уличить во лжи не смеют, ведь я же им поверил! А я сам уже теряюсь, как завершить. Но они дергают, что же дальше-то было- Говорю, надписи испарились, платок я робко поднял, встряхнул, чтоб с пылью дорожной не сунуть в карман. Только сделал это, вдруг сзади подъехал грузовик. Я как раз хотел бежать отсюда, и на тебе. Грузовик остановился возле меня, я сел и вмиг доехал домой. Вот вся история.

- А второе желание- - бдительно напоминают мои собеседницы.

- Не помню, взмахивал ли я еще платком, но ничего такого не могу придумать, чтоб пожелать

на всю жизнь. Ведь нельзя же попусту тратить волшебную энергию...

Сестры оживились, стали предлагать свои советы, чего б такого я мог пожелать. Ни на один я не

соглашался, не желая размениваться по мелочам. Но уломали, настырные. Сказал им, что мое

желание такое, что может исполниться лишь через много-много лет, может даже к старости.

- Какое, какое- - почти умоляли в один голос Нур и Гульсина.

Напуская важности, дескать, вслух нельзя произносить, я вынул платок. А они как кинутся, давай да

давай, посмотрим, что за платок-то. Каким был, таким и оставался мой платочек.

Они предлагают,

давай вместе взмахнем, попросим каждый о своем. Вы что, говорю, важничая, такого быть не

может. К каждому своя белая змея должна придти... И взмахнул, и попросил мысленно, чтобы

сбылось мое заветное, хотя б через сорок лет...

Позабыв свой обет и о своем розыгрыше, через неделю сестры разнесли по деревне слух о большом

вранье моем. В тех сплетнях об их собственных выдумках речи не было. Так как у меня свидетель

отсутствовал, я предстал главным вральщиком деревни. Лишь одноклассники да младшие в лицо могли

обзывать меня фантазером. А за глаза или в случае ссор я снова был лжецом, вракой, о чем бы ни

рассказывал...

А белая змея была на дороге моей!

Во снах своих детских цветных много лет я видел ее не раз. И каждый раз повторялась та самая

история с платком. И всякий раз я твердил свою главную жизненную просьбу: исполни, шахиня-

змея, хоть через сорок лет!

Наверное, оправдал я свое детское прозвище-кличку. Вот и предлагаю в этой книжке плод своих

выдумок и фантазий. Здесь нет ни одной реальной истории. Поэтому и жанры представленных

произведений так же нетрадиционны и редки в литературе. Не до сказок многим. Тем более -

пишущим.

Чтобы не скучно было читателю любого возраста, на выбор каждому, постарался включить в

сборник небылицы - от простых и коротких сказок про животных (а в народных они всегда

подразумевают людские страсти) до больших легенд и сказаний героических - так, как они и

эволюционировали в народе исторически. В случае со мной, наверное, это произошло подобным же

образом. Допускаю, что среди представленных произведений есть небольшая толика произвольно

навеянных фольклорных мотивов, ведь «музыку создает народ»... И все на суд читателя.

Как бы там ни было, прошу любить и жаловать.

КАМЕРТОН

ПОЭПРОЗ-1

(Ностальгическая установка на творчество)

Образ без формы,
Признак без краски,
Сила в оковах,
Порыв без движенья.

Т. Элиот

У меня

не совсем обычная профессия.

Я – настройщик.

И главный мой инструмент

до банального прост –

обыкновенное человеческое слово.

Настройка необходима

всем

для любого дела.

Не хотите ли настроиться вы–

Настроим сердца на лирический лад.

Или на состраданье.

Состраданье – это сопричастность.

Сострадающий – брат созидателю.

Ведь сердца должны

уметь видеть и слышать.

Настроенный видит больше

и слышит дальше.

Это лучшие из способностей,

данных человеку.

Большая беда,

когда они утеряны –

невидимый,

неслышимый мир –

мир неведомый,

опасный.

Итак, вы созрели

до необходимости...

Внимание, н а ч и н а ю!

...Мир –

это Музыка

и Краски...

Пенье ветра, шелест прибоя, холод луны, даль поднебесья.

Вальс струй огневых, пляс капель дождевых.

Симфония Радости и Печали.

Гармония Природы и Вселенной.

Настроимся на общую волну –

волну взаимопонимания,

взаимообогащения...

Настроимся...

ВРЕМЯ НАСТРОИТЬСЯ

Жизнь – это музыка,

непрерывно звучащая в наших сердцах.

Трудно понять друг друга,

когда сфальшивит один.

Настроим сердца навстречу друг к другу!

Начнем с ноты детства —
самой низкой ноты.
Ниже всех нота —
полная тишина...
Ты
в чреве
матери своей.
Не видишь никого, ничего.
Никого и ничего
не слышишь.
Это значит,
ты ничего не значишь —
ты никто...
Но ты уже есть,
потому что растешь.
Стремишься вырваться
из плена глухоты и немоты.
Впитываешь жадно
соль, кровь и молоко матери,
беззвучно кривишь ртом
в крике немом,
колотишь кулачками, ножками бьешься.
Ненавидишь
ограниченность мира своего.
Тебе сытно у матери, покойно,
но ты рвешься в мир
видимый и слышимый.
Это — зов Свободы,
он в твоих генах, заложенных
дикими предками в начале жизни на Земле
и Богом.
И ты врываешься в жданный мир —
мир прекрасный,
мир опасный.
В незнакомый мир земной.
Из чрева матери —
в чрево мира.
Из несвободы —
в несвободу.
И понимаешь,
тебя обманули —
ты снова в плену:
манеж, детсад, школа, пионерский отряд.
Ученья-мученья,
служба-муштра — всюду и везде
одни границы, заборы, вешки, ограниченья.
Флаги-знамена,
присяги-уставы,
инструкции и положения,
приказы, указы.
Нет выбора — нет свободы.
Ноль для вдохновения — значит
и творчества нет.
Сердце может разорваться
от непониманья тебя,
от непониманья твоего.
Когда слышишь такую ноту,
невольно сжимаются нервы
и кулаки.
Душа исторгает боль и вопль —
песню протеста,
ненависти марш.
Ты видел ложь и лицемерье,
видел грязь, обман, злоупотребленья —

в глаза одна песня,
за кулисами своя музыка.
Подлость и трусость.
Фата моргана...
Надо же, ты праведник-!
А ну-ка, поборись!
Выдай пару ласковых:
оды, тосты, гимны
за Родину, Вожей народа!
Хватит!
Настала пора перемен.
Пора настроиться
на новые волны.
Но
непонятные
песни подули
с другими ветрами...
Пришла пора
разочарованья,
ты — снова — никто.
Не вовремя
пришел к настройщику,
потерял свойство избирательности
и свое Я.
Растерял собственные звуки и краски,
слился с массой.
Фальшивил весь оркестр,
и ты был с ними в ногу...
Ты расстроен.
Ты расстроен —
твоя печаль мрачна,
растерял веру...
Отцы Отечества выбирали
и любили фальшивые звуки,
пригревали подпевал,
которые травили создателей.
Они изгонялись из оркестров.
Пора настроиться.
Когда приходишь к этой мысли,
зарождается новая нота.
В отличие от других
она звучит тогда, когда сердца перестают болеть.
Есть такие сердца!
Они бьются холодно,
из глубин своих извлекая
бесконечно тягучую,
монотонно тягучую,
бесцветно тягучую ноту,
называемую
р а в н о д у ш и е.
Это мертворождающие сердца —
в них погибает творец.

К НОТНОМУ СТАНУ

Я утверждаю: я — настройщик!
Это я смешал музыку с цветом,
назвав нечаянно ноту бесцветной.
Не будем спешить с выводами.
Мир — многообразен.
И в многообразии — един.
Можно звук
разложить на цвета.
Можно светом воспроизвести звук.
Творец Гармонии — богоподобен!

Пора настроиться.
Вернемся к нотному стану.
Есть ноты, звучанье которых
наполняет сердце
теплом.
Эти ноты — самые чистые
в нашей гамме чувств.
Пронзительно нежно звучат они,
когда извлекаются одновременно,
в унисон,
в одно дыханье из двух
летающих навстречу сердец.
Эти ноты — есть
Любовь, Любовь,
еще раз Любовь.
Отныне прочь ноты равнодушия
из наших сердец —
через них не шагнуть к аккорду,
называемому Счастьем.
Счастье — это звездная музыка сердец.
Она звучит в нас, когда мы чувствуем,
как нужны друг другу,
людям, небу, земле —
всей галактике звездной.

ИЩИ СВОЮ ноту
Семь нот для сердца.
Они должны звучать чисто и честно —
музыку жизни мы пишем без черновиков.
Так считалось...
Оказалось,
мир многомерен.
Есть жизнь вторая, третья,
сороковая...
Готовься к жизни в другом
человеке из другого столетья.
Найди свою ноту — ноту надежды и веры.
В жизни бывают мгновенья,
когда кажется,
что часы твоей жизни зазвучали
громче и настойчивей.
Это ты вступаешь в иное время —
время решений.
Но на пути твоей музыки — развилка.
Куда пойти, решаешь только ты.
Проживешь честно —
переживешь столетья.
Проживешь созидательно —
очнешься в другом, вечном мире.
Помни об этом.
Ищи свою единственно верную ноту
в нашем измерении.
Будь созидателем:
художником, музыкантом.
В любом деле!
Видишь,
солнце творит
и дарит.
Поэтому оноечно.
Отдавай свое сердце другим,
и ты переживешь время...

ТАК РОЖДАЕТСЯ ГАРМОНИЯ
Наше богатство,

счастье наше
в ощущениях, данных
всевышним.
Главные наши способности —
уменье видеть мир,
дар слышать жизнь —
дают нам ощущение счастья.
Видимый мир создал Творец Вселенной.
Только подданные Создателя
создают мир слышимый.
Но куда же мир слышимый
состоит из хаотической разноголосицы.
Воедино собрать их способен
только дитя природы и Создателя —
Человек богоподобный.
Он звуки соберет и,
разложив на семь (все-го-то, а как это многотрудно!)
нот,
начинает их нанизывать один на другой,
один над Другим.
Второй под третьим.
Смешивает их,
раскладывает, раскидывает, разбрасывает
по нотному стану души.
Но не видно это,
не слышно это
никому!
Труд его — процесс таинственный — не нарушь
его!
И тогда, о чудо!
Из недр мозга ли,
или из чувственного сердца и души —
непонятно каким таким образом
извлекается нечто благозвучное,
гармоничное,
слышимое,
благородное,
богоугодное.
Оно называется
Музыка...
Создатель ее — музыкант.
Чем сострадательнее сердце
(или печень, или пятка),
тем благозвучнее эта музыка.
Тем величье Создатель.
С тех пор,
как Создатель дал возможность
воспроизводить Творцов —
мир преображен.
С тех пор
мир полон музыки.
А музыка — это жизнь!
Жизнь — это мир слышимый и видимый всем.
Жизнь — это музыка, звучащая в сердце,
это музыка звучащих сердец.
Пусть вечно трудится сердце человечества.

ВРЕМЯ РАЗДУМИЙ

Бог создал этот мир,
населил живыми существами.
Шесть дней неустанно трудился.
На седьмой — устроил себе отдых.
Так появилось свободное время,
время раздумий.

Когда задумываешься, обнаруживаешь
нехватку.
Также и Бог заметил,
что-то важное упустил,
поэтому придумал новое чувство –
вдохновенность.
Она посещает не всех.
Но к кому придет,
тот должен заряжать других.
Так восполнится упущенье богово.
Когда я это понял,
когда я это открыл,
решил быть творцом вдохновения,
стал Настройщиком.
Отныне я – Настройщик,
Я – камертон!
Хороший настройщик прежде всего
умеет настроиться сам.
Для этого
я выхожу на людную улицу
и вглядываюсь в лица прохожих.
И непременно наступает мгновенье,
когда замечаю, что искал.
Сегодня это может быть твое лицо,
а завтра – твое.
И я мысленно окликаю тебя:
остановись, прохожий!
В твоих глазах удивленье, сомненье,
в твоих глазах все краски вселенной.
Одна из главных наших способностей –
уменьше видеть краски мира.
Вот свет твоих глаз начинает бегать,
словно цветные стеклышки
на экране калейдоскопа.
Детская игрушка,
а какие гаммы цвета,
какая мозаика!
Краски глаз еще богаче.
Вглядись
и вчитывайся!
Я не спрашиваю, что случилось,
свернем с шумной улицы,
сядем у фонтана в тихом парке.
Еще лучше – у воды без шумного фонтана.
И всмотримся друг в друга.
Людям полезно вместе вглядеться
во все грани многокрасочной жизни.
В твоих глазах я вижу
теплую искру цвета нежности.
А что ты нашла в моих-!
Нет ли там холодного отраженья
равнодушной луны-
Вот и хорошо, значит, мы в спектре
взаимопонимания.
И я знаю, чего ты хочешь
сейчас, рядом со мной.
Покоя, тишины,
ты подготовлена к самонастрою.
Будь внимательна, я рядом.
Начинаю установку на творчество...

СТАНЬ ВЕТРОМ

Сделаем первый шаг по ступеням чувств
навстречу друг другу.

Мы не будем замечать
окружающий нас хлопотливый
суетный мир, мешающий творцам.
Мы богаты —
мы видим себя в глазах друг друга.
А там — калейдоскоп огней и чувств.
Как радостно!
Как прекрасен этот мир!
Как чуден этот миг!
Настроимся!
Станем травинками.
С нами будет холод освежающей росы,
пенье ветра, звон капель,
гамма солнечного света и тепла.
Напоенные солнцем, мы станем
выше нашего окруженья.
За деревьями увидим лес.
За лесом — блеск шелестящей тихо реки.
На дальнем берегу
сытый и спелый цвет пшеничного поля.
Этот приятный покой
сменится аккордом желанья увидеть,
что скрывает дальний цвет голубого горизонта...
Настройся!
Корни мешают нам вспорхнуть.
Ты готова проститься с покоем,
чтобы увидеть, что за горизонтом—
Тебе мешает эта граница—
Я ждал этого.
Запомни это свое состояние.
Запомни чувство корня,
оно полезно творцу.
А теперь — освободись.
Сделаем первый шаг ввысь, по ступеням желанья.
Станем ветром!
Легким дуновеньем, ласкающим листву.
Наберем скорости, разгоняясь
над бескрайним степным простором.
Поднимемся над землей, над людьми, над страной.
Посмотрим на землю, полюбуемся ласковым светом
зари.
Запомним планету, как она выглядит с высоты.
Запомним этот таинственный цвет манящей голубизны,
чтобы на этой земле не осталось ни одного уголка,
где бы ты ни была.
В тебе возникнет новое желанье.
Настройся понять, как оно возникло,
проросло и сложилось в прекрасную,
совершенную палитру красок,
увиденных тобой с высоты.
Высота — вершина вдохновенья.
Ты спросишь, кто размешивал эти гармоничные краски,
кто сложил кирпичики взметнувшихся в небо домов
и вылепил надежные цвета серых бетонных тел плотин—
Стремленье понять неодолимо.
И это прекрасно.
Настройся понять это, настройся на память!
Вспомни гамму красок
в глазах напротив.
Вспомни наши пальцы, руки, прикосновенье тел.
И ты поймешь,
что это мы с тобой
нарисовали великолепную
картину любви.

Она—начало вдохновенья.
СТАНЬ ПЕСНЕЙ
Тебя переполняет память.
У нас время ограничено.
Оно спрессовано в секунды.
Милions человеческих судеб
впечатаны в плоть
нашей с тобой фантазии.
фантазия — высший аккорд человеческих способностей!
Нужно говорить об этих чувствах.
Для этого нужен голос.
Настройся.
Он у тебя есть!
Сбросим оковы немоты —
станем песней.
Трелью влюбленного соловья.
Грохотом прибоя.
Песней березовой капеллы.
Станем песней,
сложенной красками на холсте художника,
проявленной резцом скульптора на мраморной глыбе.
Миру необходимы теплые краски и звуки.
Создадим такие!
Людям необходимы крепость руки и сердца
на случай тревожных дней.
Подарим им эту уверенность!
Нам нужны дыханье ветра, чтобы подставлять ему
честные лица; теплые звуки, чтобы сложить новые
дома и песни.
Надо расти до совершенства, бесконечно,
до величия солнца.
Чтобы сквозь утренние зори войти в дома и,
отражаясь в мытых зеркалах, разбиться на зайчики,
чтоб хватило всей детворе мира.
Светить!
Вот смысл и суть нашей жизни,
которую не назовешь грешной.
Светят и греют великие.
Сторишь —
Да! Но, сторая,
осветишь нового творца.
Это и есть
великий закон
ВЕЧНОСТИ.

ВСПОМНИ ОБО МНЕ, КАМЕРТОНЕ
Все, мой друг!
Я расстроен, я выдохся,
мой путь в настройку.
Я прощаюсь с теми, кого настроил.
Это решение верное и единственное.
Быть может, мы больше не встретимся...
Но когда, появившись на свет,
отгласишь мир нетерпеливой нотой-криком:
«Здравствуй, это я!»
или встретишься с новой неудачей,
победой,
любовью —
вспомни обо мне, настройщике.
Она нужна всем и всегда.
И мир расцветет
новыми красками и цветами.
И может быть,
в один и тот же час

мы выйдем и войдем в новые дома,
на новые полупустые улицы
тишины и бесцветья,
чтобы встретить тех, кому понадобится
настройка.
Быть может, там,
при свете фонарей, увидим задумчивые лица
или переполненные солнцем взгляды
и скажем им:
«Спасибо, что вы есть!
Вы вдохновили,
и мы настроим Творцов
на созиданье!»

Установка внушена мне неизвестным
экстрасенсом в доперестроечные времена,
когда они считались шарлатанами. Поэтому
не могу включить его имя в соавторы. Но
благодарен всегда.

БУМЕРАНГ

Тяжело и безнадежно занедужил вдруг царь зверей Лев Львович. Хоть и прошел по джунглям слушок, что дни его сочтены, но привычки не вдруг исчезают. Мало ли что, может, он снова, как бывало не раз, воспрянет духом, да встанет на месяц-два, а то и годы... Неприятностей не оберешься...
Вот и явились все проведать больного тирана. И обнаружили приближенные, что проигнорировал визит Лисовин Патрикеич. Воспользовавшись моментом, подхалим Койот Шакалыч решил реабилитироваться в глазах царя и донес-наговорил с три короба об очередном прогуле Патрикеича:
– Он всегда был такой. Всех толкает, подзадорит на охоту, а сам в кусты, улизывает по своим делам, лентяй. Зато исправно появляется к трапезе. А ты все прощал прощелыгу неблагодарного.
Не в шутку разгневался Лев Львович, приказал разыскать хитрована Патрикеича:
– Найти хоть мертвого, хоть живого! Три шкуры сдери с подлеца. Расповಾದились! Надеетесь, околею-!
Но ведь не зря род лис с давних пор хитрованами прослыл. Лисовин туда же. Испросив Сороку о промысле его воровском, слово за слово проведаль, для чего ищут его...
И тут как тут предстал пред очи царя зверей, опустил на землю свой виноватый взгляд:
– Не вели казнить, вели выслушать, царь-батюшка! Повинную голову меч не сечет...
– Ты почему так долго не приходил, неблагодарный, смерти моей ждал! – набросился резонно Лев на Лисовина.
На что тот ответил тихо, кротко, вложив все убедительные краски в голос свой сладкозвучный:
– Прослышав о твоём недуге, я так закручинился, мой царь, что сам свалился. Но нашел в себе силы и пошел искать лекарство для тебя. Все джунгли облазил: на деревья залезал, под воду нырял, землю носом рыл. Я очень старался, мой государь!..
– Ну и- Давай сюда, чего тянешь вола за хвост! – взревел Львович нетерпеливо.
– Хоть растерзай меня на части, батюшко-царь, никакого снадобья в растительном мире нет

такого, чтоб спасти тебя... - На секунду лишь прервался Лисовин и, дождавшись, когда яростно побагровели глаза повелителя зверей, ласково пропел:
- Зато узнал, что от подобной хвори спасает желе из койотовой задней ноги... Лев тут же схватил кюлу Шакаловича, отгрыз ему заднюю лапу, самого бросил на муравейник, а слугам приказал сварить лекарство - желе чудодейственное.
- Достучался, Койот-шакалий род, - вскричала над колченогим Сорока, - не будешь рыть яму другому!
Весь звериный род смеялся над незадачливым Койотом Шакаловичем. Один Лисовин Патрикеич высказал ему свое сострадание:
- Сходи-ка ты, дружок сердечный-разлюбезный, к Тиграну Байрамычу, такие раны, говорят, он быстро зализывает...

Чужая беда - наука

В свое время, рассказывали, дружили меж собой Тигран Байрамыч, Волкан Полканыч да Патрикей Хитрович. Очень ладили, рассказывали, семьями дружили, друг к другу на шашлыки, на азу, на беляши в гости ходили. Всем делились по-братски. Выручали друг дружку в беде, когда она нечаянно стучалась. Не разлей вода, значит, были.
Но вот на беду им случился однажды год голодный. Вдруг все припасы у всех улетучились. Что делать - Решили друзья поохотиться в дальней округе, может, там дела получше. День бегали, ночь рыскали. На третьи сутки собрались в условленном месте, чтоб подвести итоги. Оказалось, промысел не совсем безнадежный вышел. Каждому улыбнулась удача - все трое были с добычей: поймали лося, зайца и гуся.
На правах сильного и старшего, чтоб не самому навязывать, Тигран Байрамыч предлагает другу Полканычу справедливо поделить добычу на троих. Можно было и просто унести каждому, что добыл, ан нет, друзья ведь, надобно по-доброму. Будто и невелика задача-то. Но именно тот дележ, рассказывали, и посеял раздор меж друзей.
Недолго думая, бесхитростный Волкан Полканыч придвинул к себе лося. Наверно, голодней всех был, истомился, бедолага. В долю Тиграну подвинул он зайца. А гусь, значит, достался Патрикею Хитровичу. Хитрович, конечно, удовлетворился, ничего не сказал принародно. А вот Тигран Байрамыч позеленел, что за байрам-той устроит он с зайцем тощим для семьи своей при его гордости - Недовольный таким дележом, он так лапанул было Волкана, что тот и взвизгнуть не успел, слетела с плеч башка его бедовая...
Успокоившись, отдышавшись, Тигран взглядом показывает Патрикею-другу, мол, лучше б ты делил. Поперек друга не попрешь. Взаялся за дело Патрикей Хитрович. Тонко подошел он к поручению. Указав на лося, говорит ласково:
- Этот лось, мне кажется, очень подойдет на завтрак всему твоему семейству, друг Байрамыч.

Берет и подносит Тиграну зайца:

- Этот стодится Тигрице и Тигренку на обед, я думаю.

Затем подает гуся и почти поет уже:

- Тигренку еще расти да расти, пусть побалуется наследник гусем жаренным на ужин...

И так, и эдак раскинул мозгами Тигран Байрамыч, да так и не уразумев, высказывает свое

удивленье:

- Ну и башковитый ты, однако, Патрикей Хитрович, кто и когда надоумил тебя так умно

рассуждать-

Патрикей слюнями чуть не захлебывается, а виду не подает, злости не выказывает, показывает

взглядом на бездыханное тело Волкана Полкановича:

- Тот, кто напялил ему красный башлык...

С того дня, рассказывали, Патрикей Хитрович исчез с поля зрения Тиграна и его семейства. А тот

также быстро забыл о былой дружбе и привязанности к друзьям...

Так и у нас ведь бывает. Не угодишь другу один раз, враз забывается бывшее хорошее, и канут в

бывшее добрые времена, проведенные вместе. А ведь дружба проверяется в трудные дни. Поговорку

знают все, да не все выдерживают.

Соловей и солдат

Когда умер старый суровый визирь, падишах призвал к себе мудрого и доброго звездочета и

назначил его своим первым советником вместо почившего.

Новый визирь не стал поучать, навязывать падишаху напрямую, какие нововведения необходимо

было вводить в их царстве-падишахстве.

Как-то поймал он соловья, посадил его в клетку, и поместил близ покоев государя. С тех пор

падишах засыпал под сладкоголосое пенье соловьиное и просыпался от звонких серебристых его

трелей. И так полюбился падишаху этот соловей, что в походах ли, на охоте ли, нигде не

расставался с ним.

Но через некоторое время умолк его друг. Чем бы ни кормили, ни поили - не поет, и все тут. Даже

соловьиху к нему в клетку подсадили, и тут не помогло. Захандрил соловей.

Заскучал и падишах, а

это же чревато последствиями. Подзывает он звездочета-визиря, спрашивает:

- Ты привил мне привычку засыпать и просыпаться под соловьиные песни. Что будем делать-..

Вместо ответа визирь подмигнул стоявшему на охране падишаха старому солдату, спрашивает его;

- До службы здесь где ты жил, солдат?

- О- - отвечает бравый, чья двадцатипятилетняя служба уже подходила к концу. - До службы

падишаху я жил в соловьиных краях!

И тут кстати вмешался сам падишах:

- Не хочешь ли ты сказать, что язык их понимаешь?

- А нечего делать, мой падишах! - отвечает солдат.

- Раз так, скажи, чего ему не хватает, почему перестал петь у меня-

- По родным местам заскучал, как пить дать, мой падишах, потому и не поет....

- А где его родина-то, недалеко отсюда?

- Далеко ходить не надо, идемте на улицу...

Взяли они клетку, вышли за стены дворца. Солдат привязал к лапе соловья нитку легкую и открыл

клетку. Недалече полетел соловей, сел в крапивнике, и через мгновение услышали все знакомые трели.

Удивился падишах:

- Я его кормил, я его поил всем, что можно, в тепле и чистоте содержал... Не пел ведь, чертяка! В крапиве пыльной запел!?

Тут мудрец снова подмигнул солдату, мол, самое время высказаться. Не растерялся и служивый,

говорит государю:

- Так ведь и я, мой падишах, с охотой служил тебе лишь первые годы, пока ума-разума

набирался. А потом заскучал, что готов был вешаться. Вот и нынче мне легко служить, когда

близка стала встреча с родными...

Не глуп был тот правитель. Сократил срок службы своим воинам в три раза.

Говорят, не было

войска сильнее, чем нынешнее у него.

Много таких полезных и правильных для народа и государства преобразований ввели тот падишах с

мудрым визирем, что слава о тех временах и том правителе до сих пор жива...

НА СВОЮ ГОЛОВУ

Когда Ежик тихо отворил дверь в приемную, оказалось, что там, вслед только что вошедшему в кабинет начальнику, образовалась шумная очередь.

- Господа любезные, вы где находитесь!? - осадил нетерпеливых посетителей секретарь

Выдра. - К Зубру пока нельзя, он еще кофе попьет, имейте терпение...

- Странно! - взвыл непоседливый Волк. - Кофе, видите ли, они попивают! А мы с важными

производственными вопросами можем и обождать...

- Вот именно! - недовольный тем же поддержал коллегу Медведь и нервно заходил взад-

вперед, заломив лапы за спину. - Все добрые звери дома дообедали... На что был Лев! Но

даже он не позволял себе такого самоуправства. Но, увы, однако... И его съели в свое время...

- Да-да! Всеу свое время и свой зачет. Учтем! - добавил Волк.

- О да, учтем... - многозначительно подытожил и Шакал.

А Заяц тут же размечтался наивно:

- А хорошо все-таки, братцы, быть Львом, Зубром!.. Можно позволить себе отдых после сна.

После прогулов отгуливать....

- И бао-ольшо-ой авторитет!.. - подпела хитромудрая Лиса.

«Шпика на голом месте», - молча согласились все.

Тут в селекторе раздался начальственный грозный голос самого Зубра:

- Кто там ко мне... Пусть зайдет Шакал! И нет меня ни для кого!

Шакал ехидно раскланялся остальным и подмигнул многозначительно:

- Учтем, друзья, учтем... - и удалился.

- Сейчас отдел информации начешет ему за ухом, - сразу как-то сжался Волк после Шакала.

- И за что только держат таких? Чтоб земля тебя проглотила, - буркнул Медведь. Остальные теперь молчали в тряпочку.

Ежик с рядовым личным заявлением в кармане постоял, помялся, потоптался нерешительно и

тихо попятился к выходу...

Между тем, именно после визита Шакала Зубр издал приказ, по которому Медведя перевели

управлять самым дальним трестом, Волку доверили подъем другого отстающего хозяйства. Обе их

должности в главке упростили. Теперь единственным заместителем Зубра была назначена Лиса.

Заяц подпал под сокращение штатов. Говорят, косоного заносило иногда не туда...

А Шакал и Выдра по-прежнему незаменимы на своих малозаметных, но нужных должностях..

И Ежику ничего другого не оставалось, как самому решать свои проблемы. А и вправду, на зубров надеяться, но сам ведь тоже не лыком шит...

Списано с природы, Надым, 1983.

Сказ о новом лебеде

Однажды родился мальчик в тундре. Назвали его Вануто. Все знали, кого звали «Из рода Пеньдо»,

значит оленеводы. Родители Вану надеялись, что их сын продолжит дело рода Пеньдо, старались, чтобы вырос умным, грамотным оленеводом.

В годы советской власти Вануто учился в интернате, как и все дети оленеводов. Однако потом он

захотел и продолжил учебу в большом городе на учителя. Все удивились, конечно, но подумали,

молодец, Вануто, вернется и станет учить своих юных сородичей всему, что познал сам. Чтобы все оленеводы в тундре были грамотные.

Но лишь появился Вану Пеньдо пограмотневший, с порога и заявил:

- Отстали вы. Теперь люди в чумах не живут. Поеду в город жить, как все культурные.

От неожиданных этих слов Вану остались без слов родители. Таких, как Пеньдо, в городе тогда

было мало. Поэтому там ему сразу работу дали, какую захотел, а там и жилье в доме белокаменном.

Стал он жить-поживать да добра наживать. Отпуска свои, каких не знали родители, проводил он,

как все городские люди, в теплых краях у моря. Полсвета объездил так. В холодную и сиротливую

тундру навещался только за муксуном и нельмой, иногда за мехом. В городе утверждал, что

нужда соплеменников вынуждает его поддерживать их, хотя никто в это не верил. Так бы и жить Вануто всегда: без забот, в тепле и безбедно. Но женился он на

девушке, как после выяснилось, оказавшейся неумехой и гуленой, любившей легкую бесшабашную жизнь. Как

тундровик в корнях, он не понимал толку в разводах. А может, бог Нум его, за что не знал Вану,

наказал. Вот и не дал им Нум детей. От такой жизни он затосковал-запечалился, стал горе свое

заливать водкой, жизнь прожигал и работу забросил, а жену бил-колотил. Но толку не было.

Хорошо, не успел спиться окончательно. Вдруг в стране подули отрезвляющие ветры. От

надвигающихся перемен люди стали прозревать. Кругом разгорелись митинги. Все гадал народ,

какую жизнь теперь следует строить.

Как-то проснулся Вануто Пеньдо, в голове гудит, как в трубе, а в кармане дырка - ветер свистит.

Пошел бутылки собирать. Видит, в центре города, где он больше всего находил свою твердую

валюту, на площади народ, и трибуна установлена. Послушать только остановился, а как завлекло- повлекло – быстро побежал домой, вынув из запялившегося сундука забытый тундровый наряд, оделся и вернулся к митингующим. А тут уже свободный микрофон объявили: выходи, кто может, и толкай речь, бросай в народ мысли сокровенные новые – новизны толпа заждалась и жаждет. Глядит Пеньдо, один кричит:

– Партократы, дай порулить демократу!

Толпа требует: «В депутаты его!»

Другой орет:

– Свободу водке и прессе!

А толпа поддержала и: «В депутаты его!»

Третья еле вскарабкалась да как заорет благим матом:

– Верните из тюрем отцов моих пятерых детей! А то на рельсы лягу, дети соплей закусывают...

Площадь ей аж скандирует: «В депутаты ее! Пусть икру покушает!»

«Вот эта дмократия – моя партия, – пришла мысль в голову Пеньдо, – заждался же я тебя...»

Тоже взошел и начал трибунить. Да как говорить-изрекать! Не слова, а целые поэмы вылетали из уст его:

– Вы все – варяги пришлые, я – коренной. Вы жируете здесь, а я в облезлой ягушке дрожу морозною зимой...

Снизу поддержали оратора:

– Малицу каждому северянину!

– В депутаты Ягушку! – добавили где-то.

Вану и сам удивился своим речам, вдруг бросит в разгоряченную толпу:

– А ну, закрой задвижку!

«Дмократы» смекнули, что к чему. И двинулись к нефтепроводу. Впереди себя Пеньдо толкают.

Там они поставили его на трубу и велят: «Теперь говори!»

И воспарил, воспламенел Вану:

– Нефтяники погубили ягельники. Ягель – это жизнь оленя, был нашим богатством он, оленя нет – мяса нет, холодно в тундре. На народ надвигается смерть, вот. Закреть все задвижки на Москву! Пусть построят новую трубу. С деньгами обратным потоком...

– А верно гутарит баба, – заметил один из очухавшихся дмократов, не проглядев в ягушке Пеньдо-мужчину.

А жена Пеньдо открыла рот от удивления, зацокала-заморгала, мужа не узнает. Бутылку свою пнула в сторону, и давай снимать Вану в камеру со всех сторон. Увидя это, Вануто приказал ей стать пресс-секретарем.

И началась у Пеньдо совсем другая, новая жизнь: по собраниям, сходкам, митингам – успевай пресс-секретарь-жена фиксировать классические «дымократические» движения души мужа в центре бурных событий. Оба враз забыли о бутылке. Дремавшую отцовскую энергию Пеньдо направил на перевоспитание толпы.

Дмократы на первых порах очень обрадовались, что их платформа укрепилась оратором и трибуном из коренных. Где надо толпу охмурять, давай на трибуну Вану толкать. И стал он, как все дмократы выдвигаться от них на все выборные должности: то в советы, то в Думу новую, то в президенты разных ассоциаций – лишь бы платили там. Но, как доходит дело до выборов – никто за Пеньдо крикуна-одиночку не голосует. Ведь каждый дмократ видит себя у власти. А род и народ у

Вану далеко, и не прозрелый к переменам, не знает, что такое «альтернатива, плюрализм и демократические преобразования». Темный, он не понимает в необходимости Вану в депутатах, у власти. Чуть руки не наложил на себя Вану от обиды, ведь как верил, надеялся он на новые ветры...

Задумался, заметил, что его коллеги-демократы и перестройщики – те же бывшие партократы, при ком он начинал жить хорошо, да пропил. Власть вкусившие когда-то, они быстро перекрасились и снова рвутся рулить-повелевать, не до Вану им... Что делать, не знает Вану, ведь все познал в жизни: огонь водки, лед земляков и нефтяные трубы. А в итоге снова бег на месте. Вдруг осенило жену по трезвянке, подсказала неожиданно умно – чтоб гласностью брал привилегии себе Вану: «С такими тебе не по пути, использовали и вытерлись. Давай, писать будешь...»

«Это мысль», – смекнул Вану. И стал писать книгу о тяжелом пути тундровика. Все вспомнил и припомнил в книге: как бедно рос, как назло партократам институт бросил и партбилет пропил, тундру оставил, чтоб хоть один из рода Пеньдо был человеком. Как встретился с «демократами», стоял в авангарде их движения, выступал трибуном их, как они же утерлись им и не пустили в свои ряды, как чуть не спился, разочаровавшись в переменам. Большая гора бумаг получилась книга, выше чума наплел. Подвернулся случай, подкатил Вану к новому нефтяному начальнику, говорит: «Я критиковал и захватчиками тундры, губителями ягеля обзывал не тебя, а прежнего генерала, помоги издать об этом книгу-исповедь». Конечно же, помог новый «генерал» нефтяной, чем бы дитя ни тешилось. Не каждый день в тундре рождаются писатели, вдруг и вправду хорошая книга будет... Не пожалели денег на дело доброе – вышла книга толстая да большим тиражом. Однако понаблюдал Пеньдо, а книга не пошла, ведь издал, чтоб читали. И снова к начальству Вану: «Купите мою книжку, ходите в народ и дарите. Все будут хвалить – и «зеленые», и аборигены... Конечно, купили. Не каждый день писателям помогают. Авось, добром вспомнит автор, и с «зелеными» договориться поможет.

Вану тоже не сиднем сидел. Куда бы ни показался, книгу свою толкает: «Где еще книгу о моем народе найдете, возьмите, купите, память будет, когда покинете мой край». Все равно недоволен, как расходится книга. Стали с женой на вертолетах летать в тундру, организовывать письма с отзывами земляков на книгу. Как-то так и на родную землю залетел Вану. Нашел чум родителей. Они лежат больные, помирать собрались. Хотел, было, поддержать стариков Вану, те его помощи не берут, самого выгоняют: «Ты, – говорят, – стал лебедем из сказки нашего рода – любишь свое отражение в воде. Не тундровик ты. Поезжай, откуда прибыл. Денег олени не жуют. Их пасти надо на ягельных пастбищах. У нас сил нет, но и сына у нас нет, умирать хотим». С тех пор Вану много раз бывал на разного рода съездах, конференциях, симпозиумах. Каждый раз, выступая, горячо и убедительно рассказывает всем, как любят его и его книгу в тундре. Читает

письма-отклики. В перерывах подбегает к видным людям, фотографируется. А вернувшись домой, рассказывает окружающим, как его высоко оценили. Как все захотели с ним запечатлеться на память. Такая вот новая, не менее интересная жизнь началась, что жить да лавры пожинать: рыбу не ловит, оленей не пасет, а живет, гуляет, на банкетах красуется. И я там бывал. И пива пивал. И сказал нечаянно настоящую правду, что говорят на родине о книге Вану его земляки и каков деятель сам. С тех пор он со мной не здоровается. И всех писателей обзывает алкоголиками, не доросшими до понимания его народа и книги о нем. Это только присказка, а сказка впереди.

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА (сказание)

Покрытые пылью долгой дороги, три джигита прискакали к священному озеру Зооркуль со стороны величественных синих гор Биик-тоо. Свернув к яру, по зыбучему, расползающемуся из-под конских копыт песку спустились к озеру. Но не спешили они подвести каурых иноходцев усталых к воде – после долгой скачки разгоряченным им водопой опасен. Привязали их к лежавшему на берегу топляку, а сами, пока отходили и стыли скакуны, сняли с седел бурдюки, размеренно подошли к озеру. Отдав должные поклоны богу дня Тенгре, стали наполнять свои походные запасники студеной в это время водой. Старший из троих черпнул в горсть озерной воды, глотнул, ополоснул горло, выплюнул: – Уже холодная, зубы сводит, – оглянулся по сторонам, продолжил. – Скоро зима, пора обсудить планы на дальнейшую жизнь. Все сильнее и коварней наш враг, иноземец Азар-хан. Нынче едва удалось сдержать его вероломный натиск. Когда-нибудь он вернется снова с тем же, кипящим в мозгах уже, злым умыслом. Можем не устоять. И погибнет род Алкар-шаха, отца вашего. Что скажете, сыны-наследники, Олгар и Улгар-.. – Ты прав, шах-отец, – после короткого раздумья согласно поддержал разговор старший из сыновей, Олгар. – Наши соседи не хотят объединяться с нами. За высокими горами они считают себя недоступными для внешних врагов. Сколько раз седлал я своего иноходца в ту сторону гор с посланьем твоим поддержать нас по-соседски. Не понимают там, что такая же участь постигнет их самих, когда враги повергнут нас... По тому, как начал разговор, полагаю, у тебя назрело предложение, шах-отец-.. – Сперва я хочу выслушать вас, как поступали наши предки, как делает это совет старейшин-аксакалов. За вашими спинами тысячи семей соплеменников, подданных нашего падишахства. Ты говори, младший сын Улгар. – Как себя помню, отец, ты учил нас убеждением склонять к себе спорщика, независимо, соперник или противник он. Но против мечей не находится речей, когда занесены они над головой. Считаю, пора всем горцам встать под одно знамя. Кого не проймет слово, тех

убеждать силой. Кочевники быстро стовариваются, и через годы их будет тысяча туменей,
нам не выстоять. Неволя не для горской крови. Кто не погибнет в бою, порешают с собой
сами – кинжалы есть у каждого стоящего на ногах. Такой доли не хочу я племени нашему.
Тяжелый это был разговор. Надолго замолчали отец и сыновья Алкарские. Каждый обдумывал,
искал из десятков решений то, что должно вселить светлую надежду гордому племени горцев, где
правил старший из собеседников. Вот и бурдюки наполнились, ичиги джигитов стали набухать от
проникавшей холодной влаги, а они не смели шелохнуться – так крепко навалилась на всех
ответственность за судьбу рода и народа, чем неожиданно озадачил старший. Народ в эти дни
ликует, празднуя по праву победу над могущественным врагом-нашествником. Именно в такой
бы час прийти и высказать ему суд свой, в радости народ примет любой призыв. И вот что сказал сыновьям Алкар-шах:
– Трудно мне решать за вас судьбу вашу. Но, видать, другого выхода нет. Воевать с соседями,
даже с благой целью, нам не к лицу – негоже нам уподобляться дикому степняку Азар-хану.
Кровь и слезы соседей не спасут дела. Вот что я предлагаю, сыны Алкарии. Если не примете, вынесу на совет старейшин...
Посмотрите, куда я вас привел. Эти священные воды пополняются двумя большими реками Ак-су,
Бунай-су. Отсюда же вытекают воды нашей Курай-су... Как отец и мать питают чадо свое... Воды
трех рек родственны, и все земли, где они протекают, для нас не чужды, должно. Если вам
отправиться со своими племенами вверх по рекам, что наполняют это священное озеро, у вас всегда
будет возможность вернуться по одной и той же воде до берегов своих предков. И нам нетрудно
будет наладить отношения и поддерживать друг друга – через те же праздники общие, свадьбы
межплеменные, обмен товарами. На новых землях вы жените наследников на инородках и будете
множить род свой. И никто не одолеет, не растопчет имена наши, стоит нам обратиться друг у друга.
Так род наш станет больше во много крат в короткий, в два поколения всего, отрезок времени...
За отцово предложение оказался старший, поднявший меч без раздумий. Он был опытной, жил
своим тейпом, в собственном дворце-крепости. Младший был наследником трона, поэтому жил при
дворце шаха Алкарского... Но о судьбе рода своего ему также забывать нельзя. Жизнь близких
дороже своего благополучия, а будущее народа пока остается в неизвестности, и от голоса
младшего в равной степени зависит общий выход...
Улгар покорно пригнул голову, хотя руку с мечом не поднял, как это сделали старшие, сказал:
– Из троих двое уже приняли решение. Мне остается покориться, не надо откладывать до суда
старейшин, иначе нам придется вернуться. Ведь не зря же привел ты нас, шах-отец, к
святому источнику...
Отлегло от сердца у Алкар-шаха:
– Я горд, что воспитал вас настоящими сынами отчизны своей. Возвращаться отныне мне

придется одному, как бы это тяжело ни было. Вы поскачете на те земли, откуда текут реки Бунай-су и Ак-су. Скачите до тех пор, покуда не найдете мест, где не ступала нога человека. Выберите уголок, где можно будет укрепиться, где найдете удобное для обзора и выгодное для обороны место, с богатым на промысел и строительство. Постройте себе добротные дома, лишь затем можно будет пуститься в обратный путь за своими семьями. К тому времени и у Улгара будет невеста – подберем такую, что пойдет за мужем своим в огонь и воды холодного края. Трое родственных душ закрепили уговор по обычаю своих предков. Приникши головами друг к другу, руки с оголенными мечами доверительно положив друг другу на плечи, пошли кружить в ритуальном движении по кругу. А голоса их все стройней и громче зазвенели над озером. Когда закончились слова общей песни-клятвы, метнули мечи в одну точку посередь себя и, ни слова больше не произнося, отвязали скакунов, отскребли, отмыли от пыли и, вдоволь напоив живительной влагой священного озера, молча оседлали и стегнули их нагайками. И поскакали каждый своей дорогой: Алкар-шах на юг, на родину, Улгар – на север, Олгар – на запад. Оба в далекую неизвестность на новые земли, навстречу новой судьбе... Жизнь показала, что верное решение приняли в тот раз отец и сыновья Алкарии. Не исчез, не растворился ни в ком народ и род мудрого горца Алкар-шаха. Сыновья множили славу предков на новых землях, от них пошли два новых родственных народа. В историю они вошли дружными и трудолюбивыми народами – на добрую зависть соседям, на черную врагам...

ЛЮБЯ ПОГИВНУТЬ
легенда

Самым дорогим в жизни людям – матери и жене – посвящаю.

Дорога моя сокращалась в тот день как никогда трудно – невыносимо навалилась тяжесть пережитого. Вконец измотанный, я устало подсел к телеграфному столбу, прислонился, пряча голову от жгучего солнца в его тени. И вздрогнул, услышав неожиданный голос:
– Скажешь, устал, путник-
– Кто- Кто это- Откуда- – всполошился я, оглядываясь вокруг. Но, как ни старался, никого не обнаружил.
– Людям не дано видеть облика моего, – продолжал все тот же таинственный голос.
– Вы можете лишь замечать следы трудов моих... Я древний ветер Азган. Только что вернулся с гор – устал, борясь с ними. А теперь набираю новую силу, отдыхая под музыку людских голосов на телеграфных проводах. Итак, ты ушел...

Надо же, подумал я про себя, наверное, я болен, но сам же, независимо от воли, ответил:

- Ну что ж, ты прав, Азган, я сбежал.

- От женщины-

- Ты пронизательный.

- И, конечно же, ты ее любил...

- И люблю, черт побери, чье какое дело.

- Ты не любезен. Отчего же покинул тогда-

- Стала ненавистна.

- Давно я не понимаю вас, людей. Любишь и ненавидишь-

- Да кому какое дело. Навела на меня порчу. Приучила копить. Теперь я потерял цель свою.

Сундук, словом. Надеюсь, понятно-

- Допустим. Любишь-

- За то, что есть она, что не могу без нее.

- Вроде, убедил. Да, без женщин не было бы тебя... Действительно, большая беда постигла

тебя, путник. Это огромное несчастье - любить и ненавидеть одновременно. Женщина

-

самый великий творец на земле. Даже я, сокрушающий горы, поднимающий моря на небеса,

уступаю ей в мастерстве. Женщина дарит миру человека - наисовершеннейшее существо в

природе. Для этого порою приносит в жертву всю себя. Она вдыхает в человека жизнь и

разум, способный изменить этот мир. Затем из века в век она совершенствует свое творение.

Но нередко женщина творит и зло - не доведенный до совершенства человек опаснее бури. Вот и

тебя, видать, попутала женщина, на время потерявшая свое величие. Теперь ты, порочный, чужд

сам себе. Но внемли, путник, болтливому Азгану. Я живу не одну тысячу лет и много всего

повидал. Ты меня слушаешь- Тебе, должно быть, известно, если ветер есть, то полной тишины быть

не может, поэтому я не могу пребывать в безмолвии, а слушатель необходим любому говорящему...

- Я слушаю, слушаю.

- Ты напомнил мне одну давнюю историю. Хочу рассказать для тебя, может, задумаешься, я

выговорюсь и отдохну. Слушай и разумей.

Ветер Азган ненадолго прервался, собираясь с мыслями, и уже другим тоном начал свое

повествование о далеких временах:

- Много веков назад это было. В пору, когда люди еще верили и поклонялись множеству

богов: Небу, Солнцу и нам, Ветрам. Однажды по земле пронеслась весть, будто идет с юга

новая вера с новым божеством в единственном числе, якобы живущим за пределами неба и

всевидающим. Оставалась одна страна, поклонявшаяся нам, отныне и она могла принять

нового бога. Я озлобился на эту страну, страну твоих предков. И покинул эти земли.

Слушай, путник, разумей, много веков назад...

НАЧАЛО ПУТИ

Благословен, кто жертвует собой.

В тот далекий год зима была сурова и малоснежна. Весна наступила нежданно скоро, и вся влага

ручьями убежала в реки, не оставив даже маковой росинки на земле плодородной.

Вслед раннему

преображенью поспешило знойное лето. Вскоре обмелели реки, высохли колодцы. А

долгожданного ветра, могущего пригнать тучи с живительными дождями, все не было и не было.

Не пустили побегов сеянцы. Трава и листья на деревьях, чуть было развернувшись, стали скоро засыхать и осыпаться. Жара вылизывала своим шершавым языком все цветущее на этой земле.

Даже морды у верблюдов выцвели и высохли.

Беда безводья породила болезни. А хворь без разбору сеяла смерть. Многие слабовольные стали сходить с ума. Здравствующие бросились в панику, засобирались в дорогу – подальше из этих проклятых богами мест. Отчего же отвернулись боги от этой земли – Может быть, народ или правители в чем-то провинились – А может, им надо было принять, выслушать аравийского миссионера, последовать его совету и начать молиться на его Аллаха, вдруг это он послал такие напасти – Паника в народе была опасна, он становился неуправляем.

В один из таких роковых дней падишах булганский созвал в свой дворец всех старцев и мудрецов со всей Булгании, всех, кто еще держался в здравом уме. И обратился он с такой речью:

– О, мудрейшие и старейшие аксакалы булганские! Я созвал вас в этот страшный для всех час лишь с одной целью. Дайте свой мудрый совет, как спасти обреченную страну нашу, иначе погибнем все. Беда все теснее сжимает свои пальцы на горле жаждущей Булгании. Даже лошади и верблюды, посланные за водой, не все возвращаются.

Долгое молчание стояло в падишахском дворце. Из пришедших по первому зову падишаха старцев не нашлось никого, кто бы помнил о таких загадках на этих землях. Этот народ всегда был миролюбив, трудолюбив, почитал и не гневил богов, младшие почитали старших, а старые были в почете и уважаемы всеми, от мала до велика, женщины скромны и честолюбивы, а семьи прочны и гостеприимны. Но не бывает семьи без уroda, может, кто-то засомневался в божествах своих и тайно поклоняется новому...

Но вот двое старцев подняли на ноги сидевшего рядом, без сил, аксакала и обратились к падишаху:

– Падишах великий, старейший из нас желает молвить слово, но у него высохло горло, чтобы сказать во всеуслышанье.

Падишах сошел с трона, подошел и выслушал едва слышимый шепот великого аксакала, закрыл ему тут же угасшие очи и произнес следующее:

– Слушай, народ многострадальной Булгании! Со всеми почестями похороните этого мудрого аксакала на видном месте – он был великим слугой своему отечеству, свято чтит и помнит обычаи своего народа, забытые нами. И пусть вместо причитаний слезных вокруг его могилы народ устроит большой праздник, да такой, какого не знала земля наша в другие благополучные времена. Это мое первое условие. Вот и второе, на что я указываю особо.

Все юноши двадцати лет да пусть праздники эти проведут в состязаниях в мастерстве и силе, ловкости, мудрости и красоте. Выявить среди них одного лучшего из лучших и привести его ко мне. Третье свое условие я вам скажу при нем.

Совет старейшин разошелся в недоумении. Но законопослушный народ указания правителя

исполнил, как велено, безропотно. Вопреки здравому смыслу народ устроил пир в бедствующей стране. Люди забавлялись в богатых застольях, шумных весельях, игрищах беспечных. Для этого пришлось выскрести и вынести последние запасы каждой семьи, оставленные на черный день, когда к зиме остался бы самый сильный...

И вот из двадцатилетних, состязавшихся все эти дни, лучший из лучших сынов предстал перед падишахом. Им оказался единственный сын бедных и старых родителей, юноша по имени Хак.

Молвили старцы, приведшие его во дворец:

– Мы исполнили твои указания, падишах. Вот стоит перед тобой джигит, умом быстрый, подобно стреле, и ликом прекрасный, как полная луна. Он силен, как бахадир, и мастер на семь ремесел. А родители его – люди благонравные и уважаемые во всей округе, мы расспросили всех, кто их знает, они ручаются за них. А теперь слушаем, что скажешь нам в третий раз.

Сказали старики и преклонили головы. А падишах спросил:

– Мой долг велит спросить у вас, мудрейшие, можете ли вы поручиться за него, как за самих себя–

– Ручаемся, великий падишах. Он достойный воспитанник родителей своих. Пусть сам скажет, готов ли сослужить родине своей и народу родному, если даже для этого потребуется жизнь его.

– Мой падишах! – ответил на это Хак. – Я единственный кормилец своих родителей старых.

Скажу вам то, что они чаще всего твердили мне, пока я подрастал: ты наша опора и надежда, радовались они, но главный твой долг – служить стране своей и народу, породившему тебя...

Я умру счастливым, мой падишах, если последнее дыхание мое станет спасительным народу моему, стране моих предков.

Приятно удивился падишах:

– Я слышу слова не юноши двадцатилетнего, а мудрость мудрецов в устах истинного джигита.

Да возблагодарит Солнце Тенгре родителей твоих за сына благородного сердцем. Воистину: богатство бедных – в их сынах.

А теперь слушайте третье мое повеление. Этот луноликий юноша через семь дней должен взойти на алтарь небесный. Да-да, именно так советовал аксакал, которому при вас я закрыл очи. Но от вас, мудрейшие, зависит то, как он будет подготовлен к великому восхождению. Эти семь дней он должен прожить так разумно, дабы успеть объять разумом своим необходимость самопожертвования. Он должен успеть постичь смысл жизни на земле бренной и сказать нам, остающимся здесь, как жить дальше, чтобы вновь не прогневать Небо и Ветра. Через неделю соберется всему населению столицы на майдане перед дворцом падишахским, а джигит Хак предстанет перед народом и страной своей Булганией.

Диван расхотелся в глубоком раздумье. Трудна была задача у юного Хака. Долго совещались, и сказал один из старцев:

– Ты наша надежда и спасенье, Хак. Неподъемная задача легла на юные плечи твои. Мы решили, что есть необходимость посетить тебе отвергнутого здесь миссионера, галима Али,

который уединился, не сумев обратить нас в свою веру. Поклонись ему перед дорогой.

Чужестранец этот много всего повидал и человек ученый. Возможно, что мы провинились и тем перед землей нашей, что не приняли его и не выслушали, какую же веру он нес нашему народу. Она принята половиной мира подлунного. Вот и все, что можем подсказать тебе

напоследок. Да простят нас боги наши...

Послушался Хак мудрых аксакалов, явился к гонимому на этой земле галиму-миссионеру.

Поклонился в пояс и обратился к нему с такими словами:

- Да простит меня уважаемый галим Али. Я сын бедных, но честных родителей Хак. Пришел

к вам за советом, ибо сомненья грызут мое сердце. Смогу ли успеть постичь то, над чем

веками бьется человек.

Все понял мудрый галим, лежащий на смертном одре на чужой и далекой от родины земле.

- Я слышан о тебе и твоей задаче, сын мой. Мне понятна и близка твоя вера в то, во имя

чего решил отдать жизнь свою. Нет выше цели, чем служение отечеству и вере. Я не смог

выполнить всего, что на меня было возложено и поручено моими единоверцами.

Оттого и

умираю на чужбине в горьком одиночестве. Не смог, не успел я заронить веру в вашем

народе в единого над всеми бога. Но верю, пройдет совсем немного времени, и народ твой

прозреет: эта вера несет большое просвещение, через нее вы узнаете мир и мир узнает о вас.

Я одобряю твое решение и благословляю, хотя в моей религии такая жертва считается

богопротивной. Разрешите задать несколько вопросов. Скажи, сын мой, что ты знаешь о

любви человеческой-

- Есть три ступени любви, уважаемый галим. Первая - это любовь детей к родителям своим и

ответная родительская любовь. От силы родительской любви зависит любовь детей к ним.

Вторая ступень вытекает из первой: это любовь к народу своему и земле своих предков. Она

может быть сильнее первой, так как без любви к родине человек подвержен соблазну и

предательству, как только увидит землю лучше своей - может вознамериться совладать ею,

этот человек - дерево без корней, готовый уступить любому ветру.

- Мудрое толкование. Не ожидал этого от юноши двадцати лет. Продолжай, сын мой.

- Третья ступень - это неизвестная мне любовь к женщине, уважаемый галим Али.

- А известно ли тебе, что эта любовь бывает сильнее первых двух, о которых ты сказал-

- Значит, еще на первой стадии родители совершили ошибку. Дите их мало уважало.

- Благодарю. Ты достойный сын мудрых родителей. Даже имя тебе они дали такое, будто

предвидели твое предназначение: Хак - это истина, то есть мудрость. А у нас это может

означать и слугу, и раба, и бога. То есть в одном имени заложены многие понятия. Есть

такое поверье, что человек невольно оправдывает свое имя. Вот и твое имя - богоизбранный

слуга своему народу - твое назначение, которое ты готовишься доказать. Ты ступил на

тропу, преуготованную свыше. Не сверни с нее, сын мой.

При этих словах галим Али подвел Хака к окну и показал на звездное вечернее небо:

– Жизнь многообразна, сын мой, от песчинки до этих далеких звезд, и всему есть свое место и предназначение. Где-то над нами родитель наш небесный. Он дал жизнь всему земному. И он решает нашу судьбу. Кто знает, может, и моя задача здесь, на вашей земле, решится благодаря тебе. Именем Аллаха повелеваю тебе, Хак, завтра же выступить в путь. И пусть там встретятся тебе женщины самых разных сословий. Да, Хак, кто сумел понять женщину, способен править миром. Такому по силам познать истину. Это и есть твоя главная цель. Помни о первой ступени любви – не опорочь имени своего. Ты отправляешься в будущее. Погибший за любовь к отечеству не умирает в сердце народном. Прощай, сын мой, Хак, слуга божий, я ослаб, но умру с легким сердцем, ибо перед смертью получил от тебя свет надежды. Я тоже выполнил свой долг. Ты мне был послан повелением свыше, благодарение Аллаху. Так великий галим Али завершил свою дорогу в подлунном мире. На другой день Хак доложил совету старейшин о своем намерении, и те просьбу его о путешествии посчитали за разумное решение, потому как, сказали они, путнику видится мир, он знает цену времени, словам и поступкам. И благословили в дорогу, на тропу познания.

ПОСТИЖЕНИЕ

И если будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ

Женский ум стоит многих дум.

Пословица

Притча о родной и неродной крови

На пустынном перекрестке трех безымянных дорог Хаку-путнику встретилась женщина, о каких говорят – писаная красавица. Но что-то тревожно-странное во взоре у нее отметил Хак. Глаза у женщины светились разными цветами, будто были они списаны с двух разных портретов кисти двух разных по мастерству художников. Неподалеку Хак увидел сидящих на камнях двоих ее ребятишек. Один был мальчик с головой цвета спелой ржи, а другим дитя была девочка с волосами черными, как смоль. Только вознамерился Хак заговорить с ними, упредила женщина. Метнула

взглядом куда-то вдаль и сказала:

– Умоляю тебя, добрый молодец, скройся за каким-нибудь камнем и понаблюдай, не обнаруживая себя, тогда и получишь объяснение всему.

И только сказала она это, Хак заметил в стороне, куда женщина взглядывала, пыль дорожную, поднимающуюся все ближе и выше. Хак спрятался за большой голый камень и стал невольным свидетелем немой для него сцены. Пегая лошадь с богато разукрашенной белой каретой примчала светлоголового мужчину. Едва остановив лошадь, он соскочил и упал к ногам женщины, затем встал, поцеловал ее, обнял златоголового мальчика и, показав рукой, предложил поехать с ним туда, откуда он примчался только что.

Печально взглянула на дочь и качнула головой женщина. И понял Хак, что с этим мужчиной она ни за что не уедет.

Светлоголовый красавец забегал между ними, страстно говорил, доказывая что-то, темпераментно размахивал руками. Но женщина была непреклонна. Разгневался мужчина и в сердцах вскочил на карету, стеганул лошадь так, что было однозначно – он покидает троицу навсегда. Не успел и след остыть, как на другой дороге показалась другая лошадь с тележкой, блестящей черным лаком, – побогаче первой. Вороная стремглав примчала черноволосого мужчину, погорячей сердцем и статней телом. Он также, едва соскочив землю, упал к ногам женщины, затем встал и прижал ее к груди, расцеловал черноголовую девочку и предложил любимым уехать с ним.

Твердо покачала головой женщина. И было недвусмысленно понятно: как бы страстно ни убеждал чернобровый красавец, как бы ни клялся в своей любви к ним, она и с ним никуда не отправится.

Жалость проникла в сердце Хаку. Хотел было он подняться из-за камня, лишь только рассеялась пыль после второго любящего сердца, тут же заметил, как совершенно с неожиданной стороны, по бездорожью, стал приближаться к ним третий мужчина, пеший. Он был непримечателен на вид, даже выглядел бледнее, но чем ближе, тем скорее становился его шаг навстречу ожидавшей троице.

Вот ноги понесли его быстрее и быстрее. Он подбежал и, где сила таилась, вскинул на руки женщину, закружил с драгоценной ношей, расцеловал ее, затем поднял обоих детей на два своих окрыленных плеча. И все четверо, озаренные счастливыми улыбками, отправились вперед, по третьей пыльной дороге, в будущую свою светлую даль...

Притча о вере и безверии

Такой встречи Хак не мог ожидать. Но она явилась, а от судьбы не убежишь. Женщина была напориста и неистова:

- Наконец-то! Будто всю жизнь жду тебя, дорогой. Не будем задерживаться, у меня все приготовлено: вон за тем перевалом ждут нас сильные и быстрые скакуны. Уедем из этих проклятых небом мест. И никто не найдет, даже если кто вспомнит и хватится нас.
- Мне нельзя, женщина.
- Не время шутить, дорогой. Упустим шанс, погибнем.
- Мне нельзя.
- Вот чудак, заладил одно и то же. Будто опоиши чем-то, не плупи, очнись, милый. Ты даже не представляешь, какое счастье ждет нас впереди. Я ничего от тебя не попрошу, лишь бы любил меня и был верен. Оглянись, мир так прекрасен. Тебе не придется сожалеть о выборе.
- Я верю тому, что ты говоришь. Но не могу, не хочу проклятий на свою и твою голову.
- И ты в самом деле веришь, что твое самопожертвование – это единственное спасение? Но ведь нет и не было никакого мира, кроме поднебесного, как нет и богов, кроме нашей фантазии о них.
- Есть вера и надежда верующих.
- Выдумки все это. В природе немало явлений, необъятных человеческому уму, как гроза и

радуга, как нынешняя засуха. Вот и ссылаются на кару всевышнего. Удобно, не надо ломать голову и легче оправдать свое бессилие. Уедем со мной, милый, я такую любовь тебе подарю, ты растворись в удовольствии вечном.

- Я не имею права.

- Глупости все это. Слушай и смотри, я кричу проклятья этому небу и всем божествам. Эй, вы, покажитесь хоть один! Вы же всемогущи, видите, я вас презираю, так не будьте в долгу, убейте меня за это или возьмите на суд ваш всекарающий... Вот так-то, не выходит, потому что нет вас. Я всю жизнь плююсь на вашу сторону, но смерть моя наступит в свой час, когда сама истрачу все свои соки жизненные. Видишь, Хак, я цела и невредима. Мы можем уехать в хлебородные края, только будь умницей, дорогой.

- Нет!

- В таком случае я тебе не завидую. Погибай, как хочешь. Но ты успеешь пожалеть о своем выборе, когда будешь тлеть на последнем костре. Прощай, дорогой, жизнь так прекрасна, и я еще поживу в подлунном мире, потому что нет лучше, а с того света еще никто не возвращался, чтобы доказать обратное. А ты иди. Может быть, когда-нибудь я плюну и на твой образ, который будет нарисован темной толпой. Если вспомнят.

Притча о материнском молоке

Почудилось Хаку, будто плачет сама земля.

Он приблизился к беззвучно рыдающей женщине, увидел на руках у нее здоровенного малыша,

улыбавшегося невинной чистотой. Она качала его, в будущем наследника-кормильца, а у самой

вместо радости печаль застлала глаза, и слезы катились по щекам.

- У тебя родился защитник, отчего впала в печаль, женщина, что за горе сопутствует твоему счастью- спросил Хак.

- Потому и плачу, родимый, что молоко у меня иссякнет не сегодня-завтра и с каждым кормлением своего ребенка жизнь моя сокращается на годы.

Женщина дала младенцу грудь, а когда он оторвался, Хак заметил, как она осунулась и морщины

окольцевали ее глаза, будто встретилась она через десять лет. А малыш за это время словно подрос на несколько дней.

- Выходит, он вбирает в себя кровь и жизнь твою-

- Да, это так. Но если не будет так, разве мне жить-

- А если ты погибнешь раньше и он не успеет встать на ноги- Еще хуже, вдруг оба умрете

голодной смертью-

- Потому и плачу, и молю землю-мать, чтобы слезы мои она приняла. Последней каплей

своего молока я полью эту землю, где она увлажнена слезами, и, когда отойду в мир

потусторонний и кости мои удобрят эту землю, здесь вырастет дерево хлебное. На месте сорванного будет вырастать новый.

- Не слишком ли легкую жизнь чаду своему готовишь-

- Пусть. Зато будет стоять насмерть под своим деревом на своей земле. Это и будет его

служением родине своей. Это я успею вдохнуть ему.

- Успеешь ли, женщина- Как бы он не понял наоборот, что везде есть такие деревья....

- Нужно верить в то, что делаешь. А убежденная мать веру свою передает вместе с молоком.

Притча о птерогомах

Когда Хак вышел на новую тропу в новый день, на пути ему встретилась хижина, где он застал

девушку, спящую сидя за столиком. Руки у нее были подложены под голову. В одной руке было

перо, а под другой лежал весь исписанный и местами перечерканный лист бумаги, которую с

большой предосторожностью вызволил Хак и прочел следующие строки:

«Долго страдал всевышний за ошибки людские.

Казнился, что сотворил их с пороками и тем обрек на несчастья...

И долгие муки поиска навели его к озарению.

И повелел господь: «Да будет так отныне!»

С тех пор люди на той земле стали однорукими.

Вместо другой у них выросло по крылу.

Хоть и не были они безобразны, но пришли в смятение: как быть с крылом - преследовать добычу,

добывать корм, убегать от врагов мешает. Большие неудобства от несуразного такого положения -

ни птица, ни зверь, и человек неполноценный...

Но годы идут... И жизнь берет свое!

Вот догадались влюбленные. В пылу любви обнялись. А крылами взмахнули!

И взмыли над грешной землей! И поняли вдруг, что только так они обретут силу и свободу - когда

пожелают, куда захотят - могут полететь. И только так найдут счастье.

А врозь - никуда. Ничего у них не получается в одиночку.

Вот тогда воцарились на той земле всеобщая любовь и торжество счастья. Дети росли добрыми,

чуткими, красивые и телом, и душой, любили родителей, уважали старых. Родители не могли

подумать о расставании. И бездомных, брошенных сирот не стало на той земле.

Потому что не

могли люди жить по одному...

Однако нет-нет да изредка наблюдается за ними такая странность: вдруг

задумаются, загрустят о

прошлом, о тех временах, когда у них не было крыла и были они обычными людьми, грешными.

Но слово божье не возвращается...

Вот идет счастливая пара на моей земле. Встречным кажется, что они окрылены любовью друг к

другу.

Но встречается иная семья, где что ни день, то новые скандалы. Однако нет на таких волшебника-

мага, который обратил бы их в однокрылых птерогомов...»

На этом месте, видать, девушка уснула. Хак не стал ее тревожить. Пусть же приснится конец этой

доброй душе.

Притча о праздности

Богатая юрта сверкала золотыми отражениями солнца. Хак подошел и услышал слащавый голос,

шедший изнутри:

- Будь смелее, входи, красавчик!

Видя его нерешительность, женщина перешла в атаку:

- Надо же, какой ты несмелый, я вижу. Мне рассказывали, каким ты бахадиром был в состязаниях. А перед женщиной пасуешь. Впрочем, это даже интересней. Я люблю пробуждать страсть у робких, баламутить тихие омуты их душ.

О! Мой ангел послал мне неожиданное счастье. Ты в самом деле красив, как девушка.

Иди же ко мне, молодчик. Ты наверняка любишь красивое, не правда ли? Видишь, ко всему я и

богата. Сегодня недостает только любви. Посмотри, как я хороша в шелковой постели, изведай, как я умею услаждать... А скольких молодых я научила тайнам любви. Иди же, наконец, какой же ты неговорчивый. Может, ты вовсе не джигит и не Хак- Не бойся, муж со свитой ускакал на охоту и будет лишь к сумеркам, а солнце еще в зените, успеешь и отоспаться на моей груди.

Хак на мгновение забылся, заколдованный сладострастной речью опытной женщины. Но какое-то шестое чувство воспротивилось соблазну. Женщина нутром почувствовала его неприязнь и сразу преобразилась:

- Ты меня отвергаешь- Не желаешь развлечь самую красивую и самую богатую женщину Булгании-

- Не хочу прибавлять тебе незаслуженных побед.

- Что ты мелешь, юнец. Что ты понимаешь в жизни-! Жизнь - это любовь!

- Но не такая, какой живешь ты. Пусть бы ты стала беднее хоть из-за одного отказа.

Только сказал это Хак, как жилище и постель женщины из богатых и нарядных превратились в трухлявые и грязные лохмотья, а сама хозяйка обратилась в беззубую старуху. Она забила кулаками подушки:

- Что ты наделал, глупец. В чем я провинилась перед тобой. Ладно бы муж меня наказал. О

горе мне, горе...

Грустно задумавшись, Хак пустился в дальнейший путь.

Притча о гвоздях родины

Когда огляделся, очнувшись от тяжелых дум, перед собой застал одинокую, согбенную фигуру

женщины. Кругом, куда ни бросишь взгляд, лежала голая степь, где единственным возвышением

была ветхая хижина, да печальное солнце застыло на выцветшем небе, да женщина, усталая, еле

качаясь на обессиленных ногах, тяжелой тенью двигалась к своему домику с одним большим

гвоздем в руке. Она была подчинена единственному действию.

Оно давно вошло в ее сущность. Потеряв счет дням и часам, не ощущая ни жары, ни жажды, она

выполняла одно и то же: приплетется к домику и усталыми, но привычно верными движениями рук

приколачивает к стене очередной гвоздь. Она давно никого не встречала здесь, поэтому не ожидала

появления Хака. Прибила гвоздь, повесила рядом молоток и снова пустилась за другим. Когда она

притащилась обратно, Хак поздоровался и спросил, может ли она поговорить с ним.

- Иди своей дорогой, - еле слышно прошептала она.

Ответила так и снова пустилась по кругу. И так каждый раз. А разговор, начатый Хаком, урывками

продолжался:

- Откуда и как оказались у тебя гвозди-

- Они достались вместо продуктов, по ошибке.

Каждую неделю меня навещают слуги падишаха.

Оставляют еды до следующего визита.

В последний раз ошиблись.

И теперь, наверное, где-то не дождалось гвоздей.

Чтобы не думать о еде, я вынуждена бегать от своего жилища до ящика с гвоздями.

Кончатся - я погибну.

Ибо тут же вспомню, что я голодна.

- Как же ты оказалась одна в далекой и безлюдной степи-

- Я не всегда была одна.

Нам с мужем доверили обживать эти земли.

Чтобы это были границы Булгании.

Потому что они были ничейными.
Кому-то надо было быть у начала.
Вот мы и согласились.
За нами здесь когда-нибудь появятся другие соотечественники.
Это необратимо.
Так осваиваются всякие новые земли.
- А что стало с мужем-
- Он очень тосковал о своей родине, по родному горно-озерному краю, богатому и красивому.
- И оставил тебя-
- Я так не сказала.
Он тосковал о своей родине.
Он тосковал на чужбине.
И мы никогда не разлюбим.
- Однако он ушел...
- Родной край тянет сильнее.
Он любит Булганию в лице родных гор и озер.
Я- Если чужестранцы займут эти степи, кто скажет, что не захотят они всей Булгании-
Потому я и осталась.
Ведь кто-то должен здесь быть.
- Но тебя могут убить.
- Останется мой дом.
- Сожгут...
- Пепел останется.
- Его разметет первый же ветер.
- Гвозди булганские останутся.
На месте огня останется голая выжженная земля.
Она будет печатью булганской.
Мы первыми пришли на эти земли.
Никакой иноземец уже не вправе покушаться на нее.
Иди своей дорогой, Хак.
Разговоры отнимают мои силы...
Без слов удалялся Хак из этих мест. Сердце женщины было так велико, что разумом не объять этого подвига. А все же было жаль ее.

Пленение, спасение и любовь
«...хватай его, лови! Мешок на голову! На голову, говорю вам, олухи! Теперь завяжите покрепче.
Руки вывернуть за спину, опутать ноги. Обмотайте всего, так. Получайте за работу и разбегайтесь в разные стороны.
Эгей, буланый, скачи, иноходец мой. Домой, на выручку своего хозяина, моего возлюбленного. Не жалей ни копыт, ни сердца. Мы сегодня славно поработали, нам повезло: нашли замену нашему хозяину, лучше и не придумаешь, видишь, как он был похож на моего суженого, как капля на каплю. Теперь вместо нашего хозяина будет повешен этот красавчик. Какая ему разница, как погибать. А мы по-прежнему заживем в любви и согласии. Скачи мой конь, скачи...»
Не успел Хак даже примириться с неожиданным покушением, как ночная тишина донесла шум нового движения.
- Стой, кто идет! - строго потребовал другой женский голос.
- Свои, - ничуть не растерявшись, бросила похитительница и, проезжая на всем скаку, пнула бдительную незнакомку сапогом в грудь. Та от неожиданного удара отлетела в сторону, кувырнулась, но ловко вскочила на ноги и запустила арканом вдогонку беглянке. Тут она натянувшись, аркан скинул чужеземку на землю. Сброшенная с седла, она пружинисто вскочила на ноги и бросилась наутек.

Спасительница освободила Хака из пут и, стыдливо прикрывая лицо краем платка, заговорила:

– Я спасла тебя, о джигит Хак, по велению долга. Но у меня есть возлюбленный. Он охраняет границы Булгании на другом конце страны. И не будет тебе прощенья, если хоть пальцем притронешься к его невесте.

Хак растер руки и ноги, онемевшие от веревок, глянув на девицу, и, несмотря на слова ее, сердце его воспламенилось. Умом понимая, что не имеет права, сердцем попал в плен ее очарования.

– О дева! – невольно заговорил он. – Ты спасла мне жизнь и тут же смертельно ранила в сердце. Вот мой кинжал. Прошу тебя, останови его, иначе век мне не знать покоя. Только успел он произнести свои признания пленившей его сердце девушке, она внезапно растворилась, будто и не было ее здесь.

Впервые в жизни зарыдал джигит.

Всю ночь он провел в бессонной печали. Сомненья терзали душу. По силам ли цель, которую он

выбрал, достоин ли веры своего народа, раз сам подвержен соблазнам людским. Может, будет на

благо всем отказаться от небывалой затеи, чудо может не состояться, и пусть падишах отпустит его

на все четыре стороны, и он пойдет искать настоящее земное счастье.

Жил ли человек, если не изведал и крохи любви...

Вознесение

Если хочешь походить на человека, будь подобен богу, который даже муку обратит в блаженство, искупленье, надежду.

Так надо, ибо каждый человек таит в себе божественную искру.

Ю. Марцинкявичус

Все население столицы Булгании высыпало на улицы и площади, заполнив собой балконы, окна,

крыши домов и дворцов. Народ встречал возвращение Хака. Толпа расступалась и провожала

долгими почтительными поклонами. Девушки выбегали с цветами, старики падали ниц, суеверные

смельчаки пытались хоть прикоснуться к нему, к его одежде, иные чтобы попытаться вырвать

пуговицу или клочок волос на счастье и память о великом сыне страны. А дети шумной ватагой

сопровождали на всем пути.

Хак отныне не принадлежал себе. Его оберегала охрана падишахская.

Он почувствовал себя одиноким среди безликой в этот час массы народа. Нелегкие думы

напрашивались сами собой в юную его голову.

Хак предвидел, что народ, отныне слившийся в толпу, жаждет только чуда, и оно должно исходить

от него. Толпа должна верить, поэтому готова к любому призыву. Если же Хак сознается вдруг, что

не постиг смысла жизни в свои двадцать лет, что не смогли помочь ему дни, проведенные на тропе

познания, то и толпа не пожелает понять его – бессмысленно ломать надежду толпы, иначе она

превратится в неуправляемую стихию. Стране в этот суровый час, роковой, гибельный час, нужна

толпа верящая и верующая...

Посреди майдана падишахского дворца возвышалась огромных размеров поленница, куда вслед

торжественному шествию, словно волны Итинь-реки, плыл народ под монотонный гром барабанов.

Слугу Неба здесь переодели в наилучшие одеяния булганские и велели самому взойти на главный пьедестал. Хак поднялся и величественно встал на алтарь земной и небесный, возвышаясь над соплеменниками, над страной, над падишахом великой Булгании, по случаю вышедшим на балкон.

Хак окинул взором всю видимую округу и твердо сказал:
– Я готов, мой падишах! Велите вынести факел.

Со всех четырех сторон, сквозь расступившуюся толпу, вышли на площадь те необыкновенные женщины, которые встречались ему на тропе познания. Вдруг подумалось богоизбранному, что не встречал в жизни личностей более великих, чем женщины, окружавшие его, начиная от матери.

Он простер руки к небу, обращаясь к богам булганским, и мысленно произнес речь о том, что, по всей видимости, на земле жизнь устроена так, чтобы не постичь грешным смысл ее для их же блага.

Иначе всяк бы потерял интерес к цели жизни своей, забыл о своем земном предназначении. Без этого человек обрекает потомков к медленной духовной смерти. Личность без цели подобна хищнику, живущему одним днем. Если я ошибаюсь, обратился он к отцам небесным, то пусть не костер страны моей великой вознесет меня к вам, а поглотит земля в темное чрево свое.

Он поклонился в пояс народу родному, в сторону падишаха и сказал:
– О падишах великий и мои соплеменники. Я возвышаюсь над всеми на месте, которое по достоинству может занять только женщина...

На этих его словах вся площадь повалилась на землю, боясь показать лицо Богу Солнцу, Богу Небу и Богам Ветрам. И по всей стране прокатился шепот о неслыханной крамоле, изреченной богоизбранным Хаком на алтаре небесном...

Первыми опомнились женщины.
– Не бывать этому! – враз воскликнуло кольцо из этих прекрасных мира сего.

Хак лишь усмехнулся про себя: все так же непредсказуема в поступках женщина... Костер запылал со всех сторон, подоженный руками прекрасных и великих женщин Булгании, не понявших великого сына страны. Хак молча скрылся в пламени буйно заплывавшего над ним огня.

Очнувшийся падишах привстал было с трона и поднял руку, желая остановить огонь и наказать Хака, не справившегося с возложенной народом на него задачей. Но вдруг разверзлось небо. Ударив в небесные барабаны, грянул доселе невиданный, неслыханной силы гром. И все увидели, как ломаной стрелой от неба к огню земному сверкнула молния и, не оставив даже уголька от великого костра, унесла факел. Весь народ булганский, на время ослепленный светом живой человеческой свечи, остался с открытым от удивления и ужаса ртом...

Не замедлили долгожданные дожди. Семь дней и семь ночей кряду поливали они земли булганские из обложных многоярусных туч.

С тех пор Булганию обходили беды стихии природной. Через несколько лет народ булганский по указу падишаха великого отрекся от веры старой, приняв новую под страхом казни, где женщине, несмотря на пророчества Хака, было определено свое место, менее достойное, чем в Булгании времен Хака богоизбранного.

А может быть, предвидя необходимость смены верования и религии, Хак и подтолкнул события своим крамольным для того времени предсказанием... Но что свершилось, то свершилось. События не повторяются, чтобы можно было поправить. Беды больше не навевались на земли многострадальной Булгании. Вероятно, и старые боги не захотели видеть возле себя женщину. Кто знает, возможно, через новые унижения придет черед большего величия женщины, о чем мечтал Хак младомудрый, но уже на все времена... Вместо эпилога Вот какую историю поведал – или навеял – мне ветер Азган. И, покуда я приходил в себя, неожиданно исчез, даже не попрощавшись. С тех пор минуло немало лет. Но я до последнего времени находился в невольном плену этого случая. Долго сомневался и гадал, неужели возможно, чтобы человеку открылся ветер безликий. Может, вся эта встреча приснилась мне, как человеку, когда он не может отличить сон от яви. Тем более, я помню, как с больной головой брел и прислонился к столбу. Однако события последних лет все более убеждают в том, что не знаем мы ни природы земных явлений, ни саму Землю, на которой живем, несмотря на все научные достижения и открытия. Вот кто-то где-то встречается с гуманоидами из других миров или, как утверждают, измерений, прилетающими к нам на тарелках. Есть и такие, кто якобы совершал путешествия в этих тарелках, посещал их далекие планеты. Объявляются художники, доселе не подозревавшие о своих способностях в живописи, а теперь их руки пишут полотна с непонятными для человеческой логики линиями и образами, повинуюсь чьей-то неведомой неземной силе и воле. Кому-то видятся знамения божьи, после чего они становятся земными его посланниками, оракулами, превращаются в экстрасенсов со сверхъестественными способностями: целителями, гипнотерапевтами, ощущающими все недуги человека сквозь его ауру. Много необъятных для человеческого разума явлений открывается вдруг в серой нашей и непредсказуемой действительности. И подозрительно множится число подозрительно способных людей. Многим таким я не верил. Да и сейчас продолжаю сомневаться. Однако у каждого такого, как выражаются, аномального явления или события возникают свои исследователи и их последователи, фанатично преданные вере во все эти события и явления. Даже трезвые научные мужи, отложив свои серьезные труды, взялись изучать эти явления. Как же в таком случае быть нам, рядовым мира сего – Ведь уже в меньшинстве остаемся мы, неверящие. Теперь и мне все чаще и чаще приходят на ум сомнения. А может быть, и со мной в действительности произошла эта необыкновенная встреча с древним Азганом. Иначе откуда могла в голову нормальному смертному прийти история, которой он в жизни не слышал. Иначе откуда я мог задуматься об уроках случайного конфликта с любимым человеком, женщиной, способной вмиг

пробудить все чувства, спящие до поры, от любви до ненависти. Нет же, именно после встречи с Азганом я повернул обратно к ней - что было, то было - и больше никогда не намеревался покидать ее, что бы ни случилось. И каждый раз стал задумываться о причинах, почему она поступает так непредсказуемо. Может, в самом деле, все ее поступки от небывалого, как утверждал Хак, ее величия-..
Надым. 1983-92гг.

КЛЮЧИ ДЛЯ ПРОМЕТЕЕВ

(оптимистическая настройка на творчество)

Поэпроз-2

Юноша бледный со взором горящим, Ныне даю я тебе три завета...

Валерий Брюсов

- Начнем, друзья мои,

Приветствую вас вновь!

Ряды, я вижу, наши

Пополнились заметно,

Что приятно мне признать.

Значит, друг другу все мы

Как нельзя необходимы.

Итак,

На занятии на. прошлом

Познакомились мы ближе,

Кто и с чем

В ряды пытливых,

Ищущих и пишущих пожаловал...

И вот, помню, мысль

Один из вас изрек прелюбопытнейшую

(самоуничижающую, смею утверждать),

Что пишет для себя

И доволен вполне бывает,

Если вдруг нечаянно

В районке напечатают...

Скажу вам откровенно,

Без обид, обиняков,

Презрев гордыню

И ложную отбросив скромность:

Не могу себя заставить

Уважать людей бесцельных,

Что кажутся порою

Мотыльками бледными,

Бабочками-однодневками...

Свободомыслие самолюбивых,

Их амбиции, если хотите,

Готовность безрассудная на риск

Ради достижения истины малой

Двигали процессами

Обновленья, возрожденья, открытия

Нового всего
Ради светлого грядущего -
Прогресса человеческого.
«Ум, не имеющий цели своей,
Теряется бесследно -
Быть везде бесцельно,
Значит не быть нигде», -
Говорил Монтень великий.
Берите как главный завет себе жизненный
Философа совет.
Без цели человек - ничто,
Даже не насекомое,
Оно дорогу знает свою...

К волшебному перу
А ведь и я во время юности своей
Статистом был таким же
Скромным, незаметным
В массовке тысяч лиц безликих -
Знал свой шесток,
Как тот сверчок из песни.
Ходил на экспедиции
Геологические,
Не помышляя о большем, о другом.
Но вот однажды (то не судьбы ли перст!)
При встрече случайной
Заспорил я, безусый,
С заезжим на гастроли режиссером,
Что, мол, стоит сочинить,
Черкануть пером
В век компьютерный, электронный
И всеобщей образованности!
Не дом же строить это! -
Утомленный спором до хрипоты,
В сердцах съязвил он,
Чтоб отмахнуться от назойливого
Юнца,
Коль пьесу сотворишь
Через неделю полновесную,
Рискну ее поставить
В театре!
Ведь за струну живую
Задел эстет столичный,
Наступив на самолюбие мое
Легкоранимое,
Будто ногою грубо на мозоль...
По рукам ударили.
И надо же!
Оказались оба людьми слова,
Чему я благодарен до сих пор.
А если б не было спора того
Судьбоносного! -..

Так вот,
Отныне занятия наши
Посвящаются талантности вашей,
Заложенной в генах у всех,
Но дремлющих до поры.
И никак иначе!
То есть это именно, считаю,
Буду должным
Внушать вам раз за разом
В каждую встречу с вами
В мастерской «Волшебное перо».

Отбросьте стыд сюда входящий всяк -
«Кто начал, уже не начинающий!»
Для себя ведите дневники,
Книжки записные толстые...
И не спешите с публикациями мелкими -
Спешите мыслить, уразуметь,
Мечтать учитесь,
Стремясь к недостижимой цели,
Как поступал титан российский
Граф Толстой.
И пахать, недосыпая -
До чертиков в глазах -
На чистом поле белого листа.
Пусть бы даже и в стол копите,
Но ведь писательский!
Значит для будущего, для потомков,
Ведь не зря же говорят,
Что рукописи не горят.
Смелость и дерзость
Раскрепощают настолько,
Что станете себя и мир вокруг
Заново открывать.
Признание-
Не спорю, да, необходимо.
Но дождется как-нибудь!

Это я в качестве слова вводного -
Преамбулою к главному,
А теперь начнем
Учиться размышлять.
Именно это необходимо
Думающим, сочиняющим всем
В начале пути большом.
Возьмем для примера
Предмет какой-либо
Привычный,
Иль термин, явление, пусть и
Обычные, кто что найдет...
Может, из вас кто тему задаст.
Не сообразите вдруг-
Вы что-то, девушка, сказали-
Ах, кругом голова-
Если плохо вам - можете уйти,
Или скорую вызвать- Не стоит-
«Кругом голова»... Круг...
Кстати, вот же -
«Круг» ведь тема тоже
Философская!
Для урока нашего
Подходящая вполне!
А что, рискнем, давайте-
Повращаемся
Вокруг темы о Круге
И его квадратуре,
Развивая далее мысль, -
Так легче суть понимается.
Пофилософствуем!
Раз осмелились
За перо волшебное мы взяться...

Колесики мироздания
А если вдуматься, друзья,
Все вокруг да около
На Земле и в Космосе холодном

С Круга ведь и началось!..
Вот вывод первый урока нашего:
Случайное все закономерно
Для философа
(есть такая теория вероятности).
Спасибо девушке за тему!
А теперь попробуем ее развить,
Разложить на составляющие
По ретро-полочкам...

С круга, друзья!
Нет, не с палки,
Поднятой когда-то кем-то
На заре человечества,
И даже не с огня,
Согревшего дикое племя,
А с Круга - отныне гимн ему наш! -
Начало жизней поколений
Ушедших, нынешних, грядущих,,
С него пошел процесс,
Называемый прогрессом
В развитии цивилизаций
И всего человечества!..
С крута, только с круга!
Дано нам утверждать отныне...

... И вот
Сотворил Адама Бог
По подобию своему,
И все земное вокруг.
И повелел Господь,
Довершать твоя задача,
На то тебе дадена мной
Круглая голова -
Думай и твори,
Мозгами пошевели...
Вгляделся в мир вокруг Адам
Глазами округлившимися,
Полными очарованья,
Восхищенья, любованья,
Изумился он,
Как прекрасен,
Целомудренно совершенен
Мир вокруг подлунный!
Здесь всякой твари по паре
И каждому своя роль отведена.
И каждый в свою очередь
По-своему
Дополняет, украшает мир.
И что же еще нужно,
И надо ли что далее
Доводить или окрасить
Красками новыми-
Ведь не Бог я, а Адам лишь,
Хоть богоподобен, а раб...

Первый наш землянин,
Как помните, жил в раю...
Был главным
Для раздумий, сомнений и поисков
Барьером, тормозом, препятствием он,
Этот рай обетованный, земной.
И видит Бог, дела нейдут,
Не движутся далее к развитию,
А человек, волне покорный,

Глупеет от безделья
По доброй своей же воле безвольной...
И выдворил творец вселенной
Из райских кущ Адама прочь.
Так было дело на деле самом
И не причем здесь яблоко
И искуситель змей!
Думай, бог велел,
Трудясь, преображай...

Мысль сия, вы скажете,
Слишком смелая и
Крамольная версия-
Вот урок второй вам,
Начинающим тропу свою торить:
Ниспровергай,
Сомнению подвергай
Догмы устоявшиеся (застоявшиеся) все,
Если ступить посмел
На тропу созидания!..

И камень из-под ног
... В трудах земных
Тяжелых повседневных,
В поте лица пропитанье добывая свое,
Уныло, однообразно
Дни человек проводил...
И так без продвиженья
Застыла жизнь на земле
На многие века.
Пока не столкнулся вдруг
С глазами напротив
Взглядом новым он.
Глаза в глаза созревает любовь,
Глаза в глаза видится шире мир.
Они у тебя лучезарные,
И манят к себе, как солнце! -
Восхитился он, -
А ведь солнце - это жизнь!
Значит,
Из круга очей твоих солнцесветных
Исходит оно, счастье наше земное!..
Взял он, влюбленный, озаренный,
Прут гибкий ивовый тонкий,
Сомкнул концы,
Получилось кольцо,
Обвил этот обруч ромашками белыми,
Надел венки герой наш
На голову любимой,
И вмиг преобразилась та,
Как цветы, расцвела,
Воссияла светозарно, счастливо
И улыбнулась ответно милому
Взаимностью на чувства его пылкие...
Вот что сделал обруч обычный
Из цветочного венка.
А дальше было больше...

А дальше было вот что.
Как-то на охоте
Из-под ног его
Камень покатылся округлый,
И скорости набрав,
Сбил нечаянно с ног врага...

О! Смекнул герой наш,
Камень катится – трудится за меня,
Бьет сильнее, и наверняка,
Не то, что сук в руке...
Прошло время,
Нашел еще кругляши такие,
Камнем поострее.
Края обтесал, пригладил.
Долго, трудно, но упорно
В центре буравил отверстие он...
И пробил,
И вставил палки в них,
Что нашел прочнее.
На них настил соорудил...
И покатил раб Божий
Колесницу первую свою
С первым на ней грузом –
Бизоном стофунтовым, убитым на охоте,
Один сумел, впервые!
Бизона приволоочь
К племени своему, всех поразив
Смекалкой...
Вот было пиршество тогда!
И его триумф!
Но больше, конечно же, охотника
В тот день толпа пещерная славилась –
Добытчика!
И первого на земле, добавим,
Самодельщика!
А дальше больше.
Нужда принуждает...
Колеса первые
Двинули находки другие,
Ускоренье взяв многократное
По геометрической научной
Прогрессии...
Впрягли сначала
Вьючных в телегу парочку быков...
А позже быстроногих
Приручили лошадей.
И понесся человек
Пространства покорять!

Колеса же к идее человека подвели
О средствах самодвижущихся...
Мчится на колесах нынче все и вся!
На колесах покатится грядущего техника!
Из-под колес
Стремглав бежит земля назад,
И вперед – человечество!
Новый вывод напрашивается
Из сказанного выше:
Достигнутым не довольствуйтесь, друзья мои, –
Совершенству предела – нет,
Как кольцу – конца...

К бесконечным мирам
Не будем замыкаться на колесе, Круг – тема бесконечная:
Из тысяч кругов одинаковых
Образовывается шар –
Совершеннейшее тело геометрическое
С бесконечной, идеальной,
Невозможной для тел других
Симметрией всесторонней...

Самая притягательная из планет -
Жизнетворящий глобус голубой -
Наш шар земной
Всевышним сотворен
Из множества пластин-параллелей
Круглых.
И дал творец ему движение вращательное
Вокруг светила
По эллипсоидной своей траектории...
Без кругового вращения
Была бы мертва
Планета Земля...

Дерево ведь тоже -
Это сотни годовых колец,
Вытянутых в рост...
Игла простая швейная,
Иль Адмиралтейская -
Такое же кольцо
С острым у начала концом...
Ракета космическая,
Из десятков отсеков состоящая,
Тоже круг цилиндрический,
Устремленный ввысь...
Мыльные пузыри,
Одуванчики,
Нимб над апостола головой,
Даже солнечные зайчики -
Все ничто без круга...
Глядим ли на Луну, квазары,
За пределы солнечной системы,
В галактику бесконечную,
Где мы мчимся по спирали кольцевой
В сторону Черной дыры,
Где время и скорости безмерны,
А видим их сквозь линзы круглые
Окуляров электронных...
Деятель научный, проникая в микромир,
Находит там мириады шариков-атомов
И нейтронов...
Мелочь ничтожная, вроде бы, думаем,
Но не смей, человек,
Вторгаться непрошено
В целостный, совершенный микронов мир!
Иначе гриб смертоносный в гроб
Погребет поднебесную всю...
Используй энергию эту немереную
Нейтрино, солнечного ветра,
Не разрушая атома целостность.
И полетят пилигримы-земляне
В путешествия по новым
Неведомым мирам,
Космические покоряя дали...
Еще урок вам, молодые:
Не вторгаться бездумно
В мир чужой и в души,
Как в огороды дети,
Иль монастырь,
Куда с уставом новым
Вход воспрещен...

Квадратура круга
Заканчиваем первый круг
Самовнушения, самоутверждения.

Результаты первые
Меня удовлетворяют в целом.
Отлично многие справились
С темой-заданием «Окно напротив».
Кого-то окна чужие
Вдохновили на стихи,
Кого-то на размышления
С философским выводом
О разобщенности людской
В муравейниках их городских.
Есть и такие,
Кого чужие окна
Объединили наоборот...
Словно заглянув за шторы,
Многие увидели
Страсти семейные чужие...
Фантазии были безграничны,
В общем, молодцы.
Тема оказалась благодатной
Для мыслителей, для вас,
А урок – впрок.
Далее продолжим,
Чтоб довести до точки тему,
Что начали уже.

Отглянись без гнева,
Беспристрастно
В мир вокруг себя:
Ведь все красивое – совершенно,
А совершенное всегда округлено
До идеальных форм.
И тем ценнее, начиная с копейки...
Гладко – округлены морды китов
И самолетов...
Хоть глыбу бесформенную брось,
А на воде круги останутся
Волнообразных правильнейших линий,
Притягательных для глаз и фантазий...
Круглолицые милее лиц квадратных,
Прозящих кирпича...
Решетки казематные –
Квазимодны, –
Рисуют в клетках небо...
Но ненавистны округлости
В мыслях и словах!
Для пытливого ума каждого,
Для творческого поиска его
Найдется круг спасительный свой,
Как утопающему спасательный:
Свой архимедов рычаг,
Пифагоровы штаны,
Как правило айсберга у Хемингуэя...
Точка отсчета, площадка стартовая
Своя для спринтера и космонавта.
Разнообразных тем таких
Тьма для умоприложения!
Ищите, да обрящется,
Сказано в Евангелии
(Вспомните, круг
Возник не вдруг,
А в результате мытарств,
И неизведанное пришло на пользу
Человеку)...
Задумался над изреченьем

Библейским этим
Юноша питерский тринадцати! годов...
И проник он в незыблемый –
Святая святых! – мозг электронный
Банка национального в Лондоне,
Не покидая город свой и страну
(Даже из-за стола не вставши!)
И ограбил
Чопорный, чванливый Альбион
На миллионы
Фунтов стерлингов!

Корабельный трюм –
Место мрачное и грязное самое
И адский труд для трюмного матроса.
Измазанный в мазуте
Терпел свой крест
Неисправимый трюечник круглый
По всем статьям (со школьной парты!),
Помучался, задумался...
Подумавши – придумал
Масло какое-то особенное,
Двигатели при работе же
И чистящее...
И это оказалось слово новое
В механике!
А трюм с тех пор манит
Теплом и чистотой блещет!

Таких примеров положительных тыщи,
А каждое открытие
Сотни рядом нововведений движет:
Рубик с кубиком своим
Дал пищу для ума (и живота, конечно)
Десяткам других конструкторов...
Лишь нашел художник
Леонардо да Винчи
Штрих неожиданный
(А может, в последний раз дерзнул,
И, паче чаяния, мазнул),
И вот она – улыбка загадочная (иль усмешка)
Моны Лизы (Джоконды),
Над чем бьются искусствоведы
И философы с тех самых пор,
И каждому – тема своя она
И хлеб...
Пусть на свет на белый
Вроде все извлечено,
И новому чему уж и места нет,
Но не думают, об этом не подозревают
Смельчаки-ниспровергатели,
И создают, и творят
Не сотворя себе кумиров:
Азбуку Морзе,
Стенографическое письмо,
Как Эйфель башню свою,
Куклу бибабо,
Эсперанто язык,
Биплан, караоке, тримаран,
Страну Солнца,
Козлотурию-страну,
Как вальсы в оперы смело внедрял
Впервые Джузеппе Верди...

Неизменного нет на свете ничего,
Данного раз и навсегда.
Скромность оставьте свою
Для окружения, для друзей,
А за стол садясь за писательский,
С гениями извольте спорить –
Ведь они о вашем
Не скажут никогда!

И даже
Когда, казалось бы,
Созрели вы уже, раскрепостились,
А расписаться не получается –
Недостает чего-то явно
(Нет, не знаний, они при вас,
Лишь дремлют до поры.
Битлз не имели высшего!
А открыли сколь всего!-))
А не будет вам хватать
Привлечения главного к творчеству –
Биографии –
Приключений, впечатлений,
То есть жизненных коллизий,
Необходимых для прометеев.
Вот пример, новый близкий:
Есть друг-коллега у меня...
Когда иссох, застыл-закостенел,
На море подался, ища новых тем,
Бросив уют и сушь.
Рубит, рассказывает, теперь
Рыбам хвосты и головы
На рефрижераторах громадных, океанских,
Кругосветных круглый год...
Свихнуться, говорит, можно
От монотонного однообразия
Конвейерного труда...
Но думающему есть всегда
Чем мозг занять пытливым –
Не дано простаивать ему...
И возвращается на берег друг,
Где не только оплата ждет приличная
За безрадостный труд,
А и машинка пишущая,
Садится за которую он
Уже с готовыми новеллами!
Квадратура круга бесконечна!
Комментарии нужны ли-
Ищите!
И найдете всяк
Место свое под солнцем
И в творчестве
Для самореализации
И удовлетворения амбиций.
И будет мир вокруг преображен!
Человек, он изначально,
С молоком матери,
И генетически
Тысячью способностями наделен.
Значит,
индивидуум если он,
То потенциально
Самобытен! Талантлив! Гениален!
И вы, друзья,
Ничуть не сомневайтесь,

С талантами от бога рождены!
Осталось малое - в чем он - найти
И воплотить!
И да не дремлет в вас душа,
Она обязана дерзать!
Отныне
Несите огонь своих сердец,
Как Данко и Прометей!
Ведь кто-то
В ваших именно
Нуждается огнях!..

Надым-Барселона, 1999г.

Настройку эту внушали мне, в отличие от
«Камертона», известные экстрасенсы-психологи,
писатели-наставники молодых: драматург, философ,
теолог Диас Валеев (г.Казань) и поэт, публицист,
философ Альфред Гольд (г.Екатеринбург) - оба
руководители литературных объединений, воспитавшие
многих состоявшихся нынче личностей. Поэтому смело
включаю их имена в соавторы. И с благодарностью им
же и ПОСВЯЩАЮ!
Автор